

ЖИТИЕ СВ. ИВЕТТЫ ЮЙСКОЙ

Гуго Флорефский

Пер. с лат. Iuetta, vel Iutta, vidua reclusa Hui in Belgio, Vita auctore Hugone Floreffensi // AASS Januarii, T. I, pp. 863-887

В переводе Константина Чарухина

ВВЕДЕНИЕ К ЖИТИЮ ВСЕБЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕЙ ЖЕНЫ ИВЕТТЫ ЗАТВОРНИЦЫ

[1] Поскольку написано и подтверждено на опыте, что «никто не достигает вершин своих вмиг» (весьма распространённый в средневековье афоризм, приписываемый св. Бернарду. – прим. пер.), пускай тот, кто намерен прочесть нижеследующее, знает, что прежде, чем стяжать благодать от Бога, госпожа Иветта прошла путь строгого, непрерывного и долгого иноческого подвига. Ибо после призвания свыше она не позволила дару Божию остаться бесплодным, но, как деятельная купчиха, неизменно старалась пускать в ход вверенный ей талант с многократной прибылью, стремясь угодить лишь Тому, Чьего суда боялась и на Чьё воздаяние уповала, согласно речению: «...Каждый получит свою награду по своему труду» (1 Кор. 3:8). По этой причине в юности своей она, справедливо утраившись самой себя, в пылу духовном против себя самой восстала и, убедившись на опыте, что душа становится тем ближе и милее Богу, чем более удаляется от плотских желаний и суетных забот, научилась с помощью страха Божия, сокрушения, благоговейных и долгих молитв внимать сердцем Богу, а ум свой, насколько дозволено, занимать Писаниями. Ведь вот что молвил об этом Апостол: «...Подвижники воздерживаются от всего» (1 Кор. 9:25). Впрочем, о том, как непримиримо она ратоборствовала со своей плотью, я расскажу, скорее, для назидания многих, а не подражания.

[2] Сразу же с начала своего подвизания после смерти мужа она переменялась как в помыслах, так и в поступках; перестав носить свои драгоценные и обильные украшения, кольца и ожерелья, она тем самым дала всем наглядно понять, что вновь выходить замуж не стремится. Стянула плоть свою железной цепью, на грудь и спину повесила свинцовые доски, а вместо рубашки надевала власяницу, вретиче или мешок. За несколько лет до кончины своей она согласилась носить рясу на голое тело по обычаю цистерцианского ордена (уставы которого почитала).

[3] По примеру Даниила она старательно хранила воздержанность среди изысканных яств, а чтобы ещё немного усугубить [сей подвиг], за общими трапезами как можно незаметнее брала то, что попроще и менее вкусно. То и дело скрывала она голод и жажду, улыбаясь и ведя весёлые речи, словно бы вполне сытая, а часто отказывала телу даже в самих низменных потребностях. Она подмешивала в мучную похлёбку пепел, дабы, питаясь лишь ею со ржаным или отрубным хлебом, не испытывать удовольствия от еды. В постели она не постилала ничего перьевого, кроме подушки, и трудно там было отдохнуть телу, утомленному постами, бдениями, бичеваниями, коленопреклонениями, псалмопением, молитвами, слезами, биением в грудь и прочими благочестивыми трудами подобного рода. Скромным платьем своим, не грязным и не роскошным; речами редкими и обдуманно; лицом застенчивым; благопристойной поступью; чутким вниманием к своей [совести]; разумной набожностью она старалась подавать зримый пример, склоняя всех к благому подражанию и хвале Божией. Он радела о том, чтобы творить доброе в глазах Бога и людей, устраняя по возможности даже намёк на что-нибудь подозрительное, дабы не давать поводов ко греху и самой их не иметь. Исповедовалась в своих грехах она так часто и так щепетильно, что священники порой винили её в том, что она приписывала себе вину там, где таковой не имелось.

[4] При всём при этом как тяжело и сколь много претерпела сия раба Христова козней от диавола; искушений от мира и плоти; обид, злословия, сопротивления, помех,

проклятий и оскорблений от многих, а особенно от родственников и домашних! Знать сие может только тот, кто всё это вынес – она одна.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЖИТИЮ И ПОДВИГАМ РАБЫ ХРИСТОВОЙ ИВЕТТЫ, ЗАТВОРНИЦЫ ИЗ ПРИЮТА ДЛЯ ПРОКАЖЁННЫХ, ЧТО БЛИЗ ЮИ

[5] Досточтимому во Христе отцу и господину Иоанну, милостью Божией аббату Флорефскому, брат Гуго из братии той же общины, последний из всех в подвиге – достойному подвижнику с молитвами и пожеланием здравия [шлёт сей труд]; убогий, конечно, но какой уж есть.

Хотя я не сомневаюсь, честный отчет, что среди находящихся у Вас под началом нашлось бы много других, кто смог бы и усерднее заняться этой работой, порученной Вами мне, и, полагаю, выполнить её лучше меня, всё же смиренно склоняю голову перед владычным Вашим повелением, ведь о делах Божиих объявлять похвально (Тов. 12:7), а заповедь увещевает нас собирать куски, оставшиеся от трапезы благословения Христова, чтобы ничего не пропало (ср. Ин 6:12). И даже если за задержку, вменяемую в непослушание, от Вашего лица суд мне изыдет (ср. Пс. 16:2), не отказываюсь принять заслуженного наказания и сам подставляю спину для бичевания.

[6] Однако, дабы не показалось задержка сия беспричинною, ставлю Ваше преподобие в известность, что, когда Вы поручили мне вкратце описать добродетели этой святой, я поначалу аж онемел, поражённый и крайне изумлённый как необычайными делами Божиими, так и величием сил, дарованных Богом святой. Какое-то время я мешкал в смущении и наконец, насколько мог тщательно всё обдумав, счёл за лучшее обуздывать уста мои (Пс. 38:2) [по двум причинам. Во-первых,] из опасения перед злоязычием тех, что хулят Бога [творящего чудеса] в людях, даже когда свидетельства чрезвычайно достоверны, ибо сами, будучи душевными, не имеющими Духа (ср. Иуд. 1:19) животворящего, не способны верить тому, чего не видят, и либо сомневаются в том, что благодать действует в тех, кто сего достоин, либо даже отрицают это, сами оказываясь вне благодати Божией. [Во-вторых,] понимание того, что я для этой работы непригоден и недостаточно способен, внушало страх, что меня обвинят в самонадеянности, если я вдруг, словно бы придавленный тяжёлой связкой, отступлю перед трудностью материала и оставлю работу незаконченной.

В самом деле, если Вы изволите заглянуть немного в прошлое, то легко заметите, что не без причины я столько раз, ссылаясь на [неподходящее] время или [неудобные] обстоятельства, увёртывался от исполнения Ваших приказаний, хотя Вы многократно мне их отдавали как устно, так и письменно, однако важнее всего было то, что наши соотечественники не способны ни на удивление, ни на похвалу ничему, кроме заграничного, даже если это менее похвально, а отечественное, пускай и лучшее, ставят ниже, ведь высшая значимость и качество чего-либо для них заключается в том, что это заграничное, а отечественное они презирают просто потому, что оно отечественное.

Ну и опять же, бросая пристальный взгляд на весь ход своей жизни, я не нахожу себя достойным, будучи неправеден, возглашать правду Господню и возвещать славу святых, не будучи свят.

Тем не менее, надежда есть уверенность в будущих благах от благодати Божией, то благонамеренность моя и заслуги досточтимой жены, о которой я вознамерился написать, скорее помогут мне обрести прощение Бога, судии духов праведных, нежели моё беззаконие навлечёт на меня наказание, а потому я возвожу очи мои к Тому, от Кого придёт помощь моя (ср. Пс. 120:1), и призываю обитающего в сей святой Святого Духа, дабы милостиво освятил сей труд и, даже если начало его окажется в чём-то неладным, пускай продолжение будет удачнее.

[7] Однако пусть не требует от меня читатель пустяшных завитушек, как у языческих писателей, или пышного красноречия, ведь даже согласно с утверждениями философов не должно вести споров о словах, если факты общеизвестны. А какой-то ещё уважаемый мыслитель говорит, что о плетении словес заботятся только тогда, когда истина сама не проявляется в силу свидетельства. Соответственно, было бы ужасным преступлением сказать что-нибудь ложное о Боге, даже если это кажется способствующим славе Его, поскольку не менее предосудительно восхвалять ложь о Боге, чем хулить истину, которая есть Бог. Так что пусть никто не думает, что я сочинитель басенок или толкователь снов!

Поскольку душевный человек не понимает того, что от Духа Божия, в свидетели призываю Того, кто есть сама Истина, что в этой книге не прибавил ничего от себя к тому, что слышал от вас, отче, узнавшего о добродетелях и делах святой сей жены из её недавней исповеди, а также от той донны живой добросовестной свидетельницы всех её дел, что была её неотлучной спутницей и единственной подругой в доме, которой дано было знать о ней столько, сколько она хотела бы знать о себе самой – сколько вообще дано знать человеку. Поскольку же святая слышала, что написано: «Время молчать, и время говорить» (Еккл. 3:7), то некоторые из тех дел, которые Господь совершил для неё, когда тайно пребывал в скинии её (ср. Вулг. Иов. 29:4), изволила открыть перед кончиной своей, и они открыты; некоторые же, которые она изволила скрыть, остались сокрыты и не будут явлены до тех пор, пока не будут поставлены престолы и откроются книги, и воссядет Ветхий днями (ср. Дан. 7:9, 10 и Отк. 20:12) в собрании святых (ср. Пс. 1:5), верховный Судия всех.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЖИТИИ И ПОДВИГАХ РАБЫ ХРИСТОВОЙ ИВЕТТЫ, ЗАТВОРНИЦЫ ИЗ ПРИЮТА ДЛЯ ПРОКАЖЁННЫХ, ЧТО БЛИЗ ЮИ

ГЛАВА I. [О РОЖДЕНИИ ИВЕТТЫ И ЕЁ БЛАГОНРАВНОЙ ЮНОСТИ.]

[8] В епархии Льежской, в городе, называемом по-народному Юи, в семье знатных горожан родилась девочка, которую назвали Иветтой. Уже в юные лета она обладала зрелым умом, прекрасным лицом, превосходным нравом, была чистоплотна, вела себя скромно и приобрела расположение к себе в глазах всех (ср. Есф. 2:15).

Когда она вышла из детского возраста и лет в тринадцать казалась уже барышней на выданье, родители её, обладавшие крупным по меркам своего сословия имуществом и множеством земных благ, что превыше всего почитаются смертными, стали совещаться с родственниками и друзьями о замужестве дочери, которую любили чрезвычайно. Да и так немало городских юношей, которые мало чем уступали ей родовитостью и богатством, просили у сих родителей её руки, ведь она была весьма привлекательна изящными очертаниями и прелестным лицом, как это свойственно

началу юности, а гармоничное сочетание природной красоты и скромных манер обрамлялось прекрасным приданым.

ГЛАВА II. О ТОМ, КАК ЕЁ ПРОТИВ ВОЛИ ВЫДАЛИ ЗАМУЖ.

[9] А девица благоразумно рассудила, хоть ещё и не познав сего на собственном опыте, что законный брак есть тяжкое ярмо, и, помня о тяготах беременности, опасности родов, воспитании детей, а помимо всего этого о непредсказуемости мужчин, заботах о семействе и домашнем хозяйстве, да ещё и ежедневных хлопотах, она отказывалась от всякого брака. Упорствуя в этом, она всеми возможными способами умоляла то отца, то мать, чтобы позволили ей остаться незамужней. Но несмотря на это, друзья и отец продолжали настаивать, да ещё весь город убеждал её принять родительский совет и выйти замуж, а поэтому, увидев неисполнимость того, чего она хотела, Иветта, не в силах более противостоять общей воле, после первых же месячных обручилась с кем-то из местных городских юношей.

[10] И вот, после свадьбы, когда она, казалось бы, должна была полностью изменить лад жизни, душой она перемениться не могла: воля её осталась по-прежнему тверда, и никуда не делась тоска по былой свободе. Ей пришлось изведать на опыте то, чего она изначально всегда опасалась, и так она возненавидела супружескую близость, так отвратительно ей было всякое совокупление с мужем, что, как она позднее признавалась, если бы не было уже поздно, никакие уговоры друзей, никакие запугивания, никакая высшая власть не склонили бы её к этому. Впрочем, желание освободиться от мужа возникло у неё не потому, что она хотела спокойно и без помех помышлять о божественном или же о том, как бы угодить Богу, но некоторая природная предрасположенность чувств породила сердечную чистоту, из-за которых её воротило от доставления телу телесных утех и вовлечения души в мирские заботы, чего от неё, исходя из обычаев и устоев брака, требовали и получали.

ГЛАВА III. О СКОРБИ, КОТОРУЮ ОНА ТЕРПЕЛА ИЗ-ЗА СВОЕЙ НЕНАВИСТИ К СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ.

[11] Порой она вспоминала о днях юности своей (ср. Иез. 16:22, 43), когда жила без забот (ср. 1 Кор. 7:32), и при этих воспоминаниях тем мучительнее тревожился в глубочайшей своей глубине дух её, чем внимательнее задумывалась она над тем, как отличаются и разнятся друг от друга по несходной сути своей время и времена всякой вещи под небом (ср. Отк. 12:14 и Еккл. 3:1). Итак, скорбь её с каждым днём поразительно быстро усиливалась и с течением времени постепенно истощала её силы, пока боль не усугубилась от воспаления раны и она не впала в новое заблуждение, что было хуже прежнего.

Ведь из-за непрерывной острой тоски сердце её начало проникаться отвращением к жизни, и дошла она до такого уныния, столь глубоко возненавидела уплату супружеского долга, что, дабы освободиться от мужа, она чуть ли даже не желала ему смерти... и так в самом деле случилось. Впрочем, этот грех (если вдруг кому-нибудь кажется, что я говорю о нём на похвалу Иветте) она впоследствии искупала суровым подвигом, хотя чудесным образом получила от Господа прощение, о чём я поведаю ниже.

Короче говоря, куда бы она ни обратилась и чего бы ни предпринимала, везде были печали, повсеместно скорби, всюду воздыхания. На всех путях своих она встречала тесноту и скорбь (ср. Пс. 114:3, 2 Кор. 4:8). И для чего это было, если не для того, чтобы она призвала имя Господне? Ведь иногда только страдание дает понять услышанное (ср. Вульг. Ис. 28:19).

ГЛАВА IV. О ТОМ, КАК ЕЁ ПОСЕТИЛ ГОСПОДЬ

[12] Но поначалу она не хотела ни просто так обратиться, ни принять благодати, которую Бог предлагал ей даже несмотря на отказы и, более того, преследовал беглянку [благодатью Своей]. Однако дело не в том, кто хочет и стремится, но в милующем Боге (Рим. 9:16. – пер. еп. Кассиана), Который сам производит в нас и хотение, и доброе дело (ср. Флп. 2:13, 1:6). Поэтому Господь раскинул над нею сеть (ср. Плач. 1:13) Своего милосердия, одарив Своей предваряющей благодатью, и поэтому некуда ей было больше деваться, чтобы избежать руки Его.

Ибо, когда Иисус вошёл в лодку её сердца, которую швыряло посреди моря волнами великими, прекратился ветер (ср. Мф. 14:32), то есть унялись мысли, которые ввергали её в глубину отчаяния, ибо, как говорит один уважаемый мыслитель, когда Бог приходит к кому-нибудь в благодати, Он тут же утишает всякое борение. И настала великая тишина (Мф. 8:26), ибо чем Бог становится в благодати ближе к человеку, тем сердце, успокоившись после изгнания вихря искушений, глубже проникается тягой к Создателю своему, открыв внутри самой себя пламень любви. Тогда-то чрез соделанное Господом для неё тварь познала Творца своего, и развеялась тьма сердечная, под покровом которой она ничего не видела открытыми очами, и Солнце правды засветило в лицо ей, и сама она воззрела в лицо Господа, призывающего её, и познала на опыте, что, если бы Господь не помог ей, вскоре вселилась бы в ад душа её (ср. Пс. 93:17. – пер. П. Юнгера). А ничего удивительного! Ведь когда Господь, призрев на рабу Свою (ср. Лк. 1:48), помог ей и, взяв у неё сердце каменное, дал ей сердце плотяное (ср. Иез. 11:19), чтобы разуместь волю Его, и исполнять её, и почитать Его жертвами и дарами (ср. Вульг. Ис. 19:21), то есть усмирением собственного тела и трудами самоограничения, равно как раздачей милостыни и искреннею молитвой, а также другими плодоносными делами, ибо таковые жертвы благоугодны Богу (Евр. 13:16).

Она внезапно преобразилась, став совсем другой, и, совлекись ветхого человека с делами его, обновилась в познании по образу Создавшего её (ср. Кол. 3:9-10); и вот, последние дела её стали весьма не похожими на первые (ср. Отк. 2:19), то есть, конечно, попросту превосходными ввиду прежних её зол. Итак, с приходом южного ветра развеялся северный (ср. Песн. 4:16), несущий злые знамения, и пред ликом Святого Духа, пришедшего осенить её (ср. Лк. 1:35), рассеялось, как прах, облако хлада её, а когда взято было от неё сие облако, заслонявшее ей прежде Господа, свободно устремилась к Нему молитва её.

ГЛАВА V. О СМЕРТИ ЕЁ МУЖА И О ДЕТЯХ, ПРИЖИТЫХ С НИМ

[13] Между тем, по неисповедимым судам Божиим муж её отправился путём всякой плоти, и она стала, как и желала, вдовою. Прожила она с ним от девичества своего пять лет и родила от него троих детей, один из которых вернулся к Богу ещё во младенчестве, а оставшихся двоих она воспитывала, пока они не вышли из детского

возраста; тогда одного она отдала в обучение наукам, а другого оставила дома, потому что он был моложе и по малолетству не справился бы с учёбой.

[14] По кончине же мужа, когда, будучи ещё восемнадцатилетней женщиной с хорошеньким личиком, Иветта вступила во владение имуществом, так добросовестно и разумно повела она все дела, что образцовое её поведение вызывало у большинства восхищение. Хотя многие почтенные по мирским меркам мужи, привлекаемые как её повсеместно известной скромностью, так и внешней красотою и большим имуществом, изрядная часть которого перешла к ней, звали её замуж. Но никакие обещания и мольбы не могли склонить её сердце к браку, ибо она из книги опыта узнала, насколько отличается жизнь в её нынешнем состоянии от прежней.

ГЛАВА VI. О ТОМ, КАК ОТЕЦ ПОПЫТАЛСЯ СНОВА ВЫДАТЬ ЕЁ ЗАМУЖ

[15] В то время Льежскую кафедру занимал доброй памяти владыка епископ Радульф, а отец Иветты был и распорядителем его имущества в замке, и наблюдателем за расходами в городе Юи, то есть, по-народному говоря, служил у него экономом, потому что, как я уже сказал, был человеком весьма богатым. Благодаря своему великому усердию, благоразумию и верности, он настолько полюбился епископу и сблизился с ним, что никакое предприятие в той епархии не начинали без его совета и помощи.

И вот, желая продолжения череды потомков своих, он стал всеми силами увещевать дочь согласиться на брак, настаивая вовремя и не вовремя (ср. 2 Тим. 4:2), и пытался привлечь к этому своих друзей, чтобы они помогли убедить Иветту своими советами и уговорами. Но, видя, что она твёрдо намерена остаться во вдовах, а всё, что ей предлагается, пропускает мимо ушей, понадеялся, что через епископа получится добиться того, чего не удалось через родню, он подошел к нему и, изложив ему свои обстоятельства и дочерины возражения, смиренно просил потолковать с нею о браке. Епископ весьма охотно согласился и велел привести дочь, пообещав приложить все силы, чтобы склонить её к замужеству.

Гонец пошёл и привёл женщину пред лицо епископа и вельмож, бывших в гостях у него. Увидев же множество рыцарей и людей всякого рода, наполнивших дом, она от страха оробела и от стыда чрезвычайно смутилась. И вот, епископ, видя, что Иветта почти в полном замешательстве от стыда, подозвал её ближе и, ласково утешив, украдкой завёл речь о браке, пытаясь убедительными словами склонить её к тому, чтобы, приняв совет его и уступив отцову желанию, вышла она добровольно замуж.

[16] А пока он подходил к концу своей речи, Иветта с великим сердечным благоговением изливала безмолвную, но [внушённую] свыше молитву, прося Бога избавить её от надвигающейся грозы и защитить чин вдовства её, которое она уже посвятила Ему одному, имея искреннее намерение нерушимо хранить его до конца. Тем не менее, как можно осмотрительнее и осторожнее ответив на каждый довод епископа, она возразила, что вдовство для неё предпочтительнее замужества, что она уже дала обет остаться вдовою ради Христа и хочет блюсти его до конца своих дней. И вот, хотя этой женщине пришлось в одиночку спорить с мужьями мудрыми и лукавыми, ей внезапно и паче чаяния воссияла милость Божия свыше, и сердце епископа полностью переменялось (ср. Вулг. 1 Цар. 10:9), так что тот, кто больше

всех убеждал её вступить в брак, начал вопреки всем советовать ей вдовье воздержание. Он стал помощником ей (ср. Пс. 29:11. – пер. П. Юнгерова) и защитником пред лицом противников, пытавшихся склонить их к своим мнениям. И спросил он её прямо при всех, какую из двух возможностей она желает выбрать, к чему больше склоняется сердце её: к жизни в воздержании или к супружеству, а она смиренно и скромно призналась, что Христа избрала себе в женихи и ни при каких условиях не может, обманув Его, пойти за смертного мужчину. «Я и сам больше не буду, – молвил епископ, – искушать твою волю и решимость, выказанные предо мною, и другим не позволю. О дочь моя, будь тверда и не бойся! Ибо я верую и уповаю на Господа, что начавший в тебе доброе дело будет совершать его (ср. Флп. 1:6); и да совершит Он его до конца – ради славы Своей и твоего совершенства!»

Благословив её, он отпустил ее с миром, а отца её обходительно предупредил, что не следует её больше беспокоить никакими разговорами о браке.

[17] То было подобно триумфу для неё, и, почувствовав себя увереннее, Иветта возблагодарила Избавителя своего Бога и с вящим рвением обратилась к служению Ему и всяческим добрым делам, чувствуя себя обязанной Ему за благодеяние и памятуя, что нельзя оставить втуне дарованную благодать, дабы не оказаться за неё непризнательной.

Итак, она исправно посещала храм Божий, то явно с другими, то тайно одна, непрестанно молясь Господу, дабы укреплял её всегда – при вхождении и при выходе – до самого конца (ср. Пс. 120:8), то есть при начале и в конце подвига, к которому она уже приступила. Помимо этого, она по ночам вставала славословить Господа (ср. Пс. 118:62) на еженощной полунощнице – так исправно, что, преодолевая сонливость и лень, не пропустила ни единой, кроме как только по причине крайней необходимости или когда вдруг препятствовала ей немощь телесная.

ГЛАВА VII. О ЕЁ ИСКУШЕНИЯХ

[18] Дьявол же, видя непоколебимое постоянство её в ночных хвалах Богу, всячески пытался помешать её подвигу и, поскольку днём не мог стать на пути у неё и преградить стези её, хотя бы ночью старался отвлечь от полунощницы, а если не удавалось, навевал ей ночные страхи, чтобы не вставала так рано перед рассветом. Наконец, когда она ночью выходила из дверей своего дома, чтобы пойти в церковь, или даже прямо по дороге оный супостат устраивал ей засаду когда в львином облике, когда в медвежьем, когда в образе разного рода змей или зверей полевых, когда под личиною обезьяны или в подобии эфиопа; и рычал, и ревел, и шалил, и ластился, и грозил, и набрасывался, то пытаясь остановить её, то так утратить, чтобы обратилась в бегство, перепуганная до беспомыслия, что со многими ему, несомненно, прежде часто удавалось. Иветта, в свою очередь, поначалу, прежде чем привыкла к такого рода наваждениям, немного пугалась; позднее, однако, по благодати Божией собравшись с силами, распознала уловки бесовские и, призвав имя Христово да оградившись знаменем святого Креста, пошла шла бестрепетно напрямик через призрачные видения, презрительно посмеиваясь над их выпадами и нападениями.

[19] Поэтому многохитрый «враг человека» (Мф. 13:28) диавол, понимая, что молодница его побеждает и презирает, а все его коварные уловки и ухищрения вменяет ни во что, ибо уповаet на Господа, обратился к иным видам искушений. И стал ковать он новое оружие, готовиться к новой войне, обдумывать новые способы засад и приёмы боя, намереваясь сломить крепость сердца в теле женском. Ибо, если не получается совсем отвратить её дух от подвига, то, может быть, удастся хоть в чём-то замутнить чистоту намерений её?

Ибо в первой стычке она победила, не пожелав послушаться плоти и крови (ср. Мф. 16:17), сиречь родственников и друзей, и выйти замуж; во второй её не смогла склонить к сему ни высота, ни глубина (ср. Рим. 8:39) человеческой премудрости, глаголавшая устами епископа; и даже в третьей стычке не смог [сатана] её одолеть, несмотря на все сонмы ночных наваждений, но из каждой битвы женщина выходила окрепнув к неизменному посрамлению побеждённого и вечной славе торжествовавшего в ней Бога. [Тогда диавол] объявил сей победительной рабе Божией войну куда более тяжёлую и ожесточённую, чем были прежние, четвёртую из четырёх (ср. Вульг. 2 Цар. 21:20), и в ней Господь, дабы явить силу Свою (ср. Вульг. Иуд. 3:15), сражался за неё и победил (ср. Вульг. Иуд. 5:16), ибо, если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж (Пс. 126:1).

Ибо оный древний Бегемот, то есть диавол, с яростью нападал на неё откровенно и непрерывно, чтобы за сражением без передышки следовало сражение, за мощным натиском – ещё более мощный, дабы, выдохшись в прежних боях, при новом наступлении обессиленная подвижница скорее уступила. Ибо точно и живо описал сего Бегемота, то есть диавола, Господь, сказав бл. Иову: «На его спине – ряды щитов, скрепленных плотно, как печатью; сомкнуты они друг с другом – и воздух не пройдёт между ними» (Иов 41:7-8, пер. РБО). А когда после всех своих попыток искушить [человека], он идёт опочить как бы на ложе неисцелимой своей порочности, нет ему места, куда уклониться (ср. 1 Мак. 9:45), ибо, как явствует из сказанного о нём немного выше [в той же книге]: «Он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах» (Иов. 40:16), и ясно, что покой он находит там потому, что празден он от всякого доброго дела, точно опорожнённый внутри тростник, но содержит при этом ветер, то есть способность наущать ко греху, беря повод от согласия с похотью, а болото описывает последствия распутных деяний.

Ну а как Иветта, явив мужество (ср. Вульг. Втор. 31:6, Нав. 1:18, Пс. 26:14) в этой последней схватке, одержала победу над врагом, я по возможности постараюсь немножко рассказать.

ГЛАВА VIII. КАК ПРЕСВЯТАЯ ДЕВА СПАСЛА ЕЁ ОТ ОПАСНОСТИ

[20] Был у неё в городе среди друзей один знакомый юноша. Хотя он вряд ли связан был с нею кровным родством, однако всё же, насколько можно судить, считался ей родственником через отца её сыновей. И вот под предлогом давнего знакомства, делая вид, что заботится о детях и об их вдовой матери, он повадился заходить к ней и вести разговоры, как бы ради пользы дела, о нуждах её и детей, изображая, будто любит их как ближайший родич. Поскольку же капля камень долбит, если падает часто (средневековая вариация на Овид., Письма с Понта, IV, 10, 4), а разлив

постепенно смывает землю (Вульг. Иов. 14:19), от частых бесед лицом к лицу с женщиной молодой человек начал распалтаться похотью и бросать бесстыдные взгляды, сообщавшие о бесстыдных чувствах, хотя сама Иветта ничего подобного подозревала в этом человеке и на всё, что ей приходилось вместе с ним делать или о чём говорить, смотрела с чистым сердцем и простым оком. К тому же стрелу страсти, ранившей его в грудь, он удерживал внутри, не смея обнаружить, и тем сильнее мучился в глубине сердца, чем ревностнее укрывал порок и не давал вырваться наружу пламени, что под слоем пепла разгоралось всё жарче.

Подлинную порочную страсть ему удавалось спрятать под личиной близкого родственника по мужу, а сердечный жар подпитывался пагубной возможностью (которой он постоянно злоупотреблял) видеться со свойственницей якобы ради бесед о хозяйстве и многочисленных делах, в которых он выставлял себя как бы правой рукой Иветты. Тем не менее, когда он порой намеревался открыть ей в боль своего сердца, его удерживал с одной стороны стыд, а с другой – страх. Страшила его опасность того, что женщина разбранит его да выгонит в шею; стыдился же он, боясь, что если молва о том пойдёт по людям, а в народе через того-другого доберётся до его родителей и друзей, придётся ему вечно с позором носить имя распутника. Так что же?

[21] В конце концов всё победила нечестивая страсть (ср. «Всё побеждает страсть...», Вергилий, Буколики, X, 69. – прим. пер.). Ибо, когда он уже не мог больше сдерживать себя из-за великой страсти своей, то, нашедши, наконец, удобное место и время, чтобы можно было переговорить с Иветтой наедине, признался ей в своём замешательстве и в том, что из-за любви к ней терзает его внутри мука хуже всякой смерти и горькая весьма. Она же, услышав, к чему словоохотливый мужчина клонит и не дав ему договорить, с негодованием отвернулась от него и, сурово велел прекратить такие речи, в довольно резких выражениях отчитала его, как несчастный и заслуживал. Опасаясь, однако, как бы не приключилось ему чего похуже, если он уйдёт от неё в таком расстройстве чувств, она, как мудрая целительница, стала ласково увещевать его, чтобы из всех сил постарался он искоренить из сердца порок незаконной страсти, обещав, что если он попытается [побороть её], явится ему свыше божественная помощь и благодать Божия с небес. «Пускай, – молвила она, – о брат мой возлюбленный, невзирая ни на Бога, опасность оскорбить Коего в нашем случае весьма велика; ни на спасение душ, пренебрегать чем было бы с нашей стороны нечестиво, мы захотели бы согрешить бы и души предать погибели, то, по крайней мере, хотя бы лишь бесчестие греха и опасность лишиться доброго имени в миру должны остановить нас, ведь если хотя бы намёк о том дойдёт до людских ушей, мы оба, без всяких сомнений, будем в поношение соседям нашим и посмеяние живущим вокруг нас (ср. Пс. 43:14)».

[22] Итак, прилежно вразумив молодого человека, она отпустила его с миром и стала молить Господа, дабы по щедрой милости Своей ниспослал росу благословения и прохладу Духа Своего сему юноше, сжигаемому в печи искушения (ср. Дан. 3:50), чтобы она, ставшая предметом его мучительной страсти, не оказалась поводом какого-либо греха для него и причиною вечногo проклятия. А он, хоть и удалился, пристыженный тем, что она отвергла его, всё же продолжил пестовать похоть в распутном сердце своём, и, хотя уже не смел лично общаться с нею, как вчера и

третьего дня, от этого пламень безумной любви (ср. Св. Амвросий Медиоланский, *Enarrationes in XII psalmos Davidicos*, XLIII, 21. – прим. пер.) в глупом сердце его горел не менее жарко. Однако ж она сама с того дня и впредь остерегалась его, и хотя могла предполагать, что он исправил свою ошибку и отказался от первоначальных замыслов, уже не смела доверять ему, как прежде, оберегая при этом не себя, а мужчину.

[23] Между тем, довелось Иветте по какому-то делу зайти вечером к одной из родственниц, а после ужина её чуть ли не силой оставили на ночь вместе с другими друзьями дома, гостившими там, как у них вообще было принято. Короче говоря, по случайности заглянул в тот дом и упомянутый юноша, как друг к друзьям, и друзья оставили его переночевать, что Иветту, конечно, не порадовало, хотя она и скрыла [своё беспокойство], чтобы ни в коем случае не возбудить ни у кого подозрений – ни оправданных, ни правдоподобных. После ужина, когда гостей разводили по ломам, благоразумная женщина, подумав, что случиться может всякое, попросила постелить себе вместе с другой девушкой отдельно от других в нижней части дома. Сверх того, она почти всю ту ночь провела без сна, стараясь предотвратить опасность того, что вдруг придёт вор и не застанет её бодрствующей, ведь тогда в ущерб её чести будет подкопан дом её совести, и она лишится имущества сиречь спасения (ср. Лк. 12:39-40). И вот, в тишине поздней ночи (ср. Вульг. 3 Цар. 3:20), когда диавол уже вложил в сердце (Ин 13:2) тому мужчине наглейшим образом пробраться к постели спящей, встал он тайно с ложа своего, желая попробовать, не получится ли как-нибудь одолеть женщину силой либо хитростью. И пошёл он на ощупь по дому, петляя, как безумный, ковыляя, как упившийся вином (ср. Вульг. Ис. 28:1).

[24] Когда он в ночи споткнулся (ср. Ин. 11:10), звук этот разбудил рабу Христову, ибо она не спала, а дремала, и со страхом и трепетом (ср. Мк. 5:33) догадавшись, в чём дело, она пришла в такой ужас, что по слабонервности своей чуть ли не сомлела. Что, однако же, ей было делать? Куда податься? Попытаться бежать? Некуда. Сопротивляться? Мужчина сильнее. Кричать? Она боялась бесчестия, которое могло привести к вечному позору и его, и её самоё, если молва о произошедшем пойдёт по людям. Тесно было ей отовсюду (Дан. 13:22), и она ума не могла приложить, за что прежде всего схватиться. Однако, вздохнув к небу (ср. Мк. 7:34) и простерши руки свои ко святой Богородице, надежде и прибежищу всех несчастных, ко Преславной Деве Марии, Которой она в эту ночь с особой сосредоточенностью молилась, в глубочайшем умилении сердца и сокрушении духа просила Её помочь при столь великой и страшной опасности для души и избавить от надвигающегося бедствия по неизреченной милости Своей, ведь Она никогда не оставляла уповавших на Нёе.

И было так, что, пока она так молилась, молодой глупец упорно ходил во тьме (ср. Екл. 2:14) и уже оказался достаточно близко от её кровати, причём вёл себя достаточно осмотрительно, чтобы никто в доме не обнаружил, что он делает. И тут, как холодная вода для истомленной жаждой души (Прит. 25:25), как выздоровление больному, спасение бедствующему, звезда терпящему кораблекрушение, свет во тьме, явилась Царица небесная, Владычица земли, радость ангельская, человекоев спасение, Матерь Бога, Дщерь Сына. Пришла Она, дабы утешить молитвенницу Свою, в образе женщины с сияющим ликом и одеянием, словно бы спускаясь из верхнего

этажа дома на нижний по ступеням, ступая во множестве силы Своей (ср. Вульг. Ис. 63:1, Пс. 65:3), так что женщина вполне отчётливо увидела, как она приближается к ней, а молодой человек, хоть и слышал звук шагов, не мог видеть Её, ибо стал недостойным сего блаженства. И замер несчастный в оцепенении, ибо великий ужас объял сердце его. Не зная, куда деваться и что предпринять, как вор, боящийся быть схваченным при краже, бросился он, весь трясясь, к своей кровати. Теперь он довольствовался своей безопасной постелью и больше не пытался двинуться туда, где спала раба Христова. Во всём благословен Бог наш (ср. 2 Мак. 1:17), Который не оставляет уповающих на Него (ср. Вульг. Иуд. 13:17)!

ГЛАВА IX. О ЕЁ ЩЕДРОДАТЕЛЬНОСТИ

[25] Ну а Иветта после того события стала ещё ревностнее служить Христу и Матери Его, Пресвятой Приснодеве Марии, ибо с того дня и впредь как бы в воздаяние за оказанную милость она с вящим благоговением воздавала Им хвалу и оказывала послушание; настолько, что в решительном раздаянии милостыни, усмирении плоти и в других делах добродетели за краткий срок заметно преуспела. И не подобает обойти молчанием, какое сострадание питала она к нищим, ведь всякий раз, когда у неё в распоряжении не оказывалось ничего другого, что она могла бы им пожертвовать, то отдавала даже собственное белье или что-нибудь ещё из дома, то частично, то полностью обделяя ради нищих как себя, так и своих детей.

Однако от отца это отнюдь не укрылось. Видя, что дом его дочери с каждым днём пустеет, и опасаясь, что из-за расточения матерью имущества дети могут остаться без гроша, забрал от неё детей на какое-то время, чтобы в её распоряжении оказалось меньше имущества, и она, по всей видимости являясь их законной опекушкой, не смогла бездумно раздать их наследство. Однако вскоре после этого он вернула их ей, потому что мать дольше не могла без них быть, ибо любила их с величайшей нежностью.

[26] По смерти мужа своего она вела в городе одинокую вдовью жизнь около пяти лет, заботясь о доме и сыновьях, которых при всех обстоятельствах как можно старательнее воспитывала во всяком страхе Господнем. И хотя страх Господень есть начало мудрости (ср. Пс. 110:10), ещё не была в ней совершенна любовь (ср. 1 Ин. 4:17), способная изгнать страх (ср. 1 Ин. 4:18), хотя она вообще-то никогда не бывает совершенна при своём зарождении.

Боясь за себя и желая обеспечить будущее детям, Иветта согласилась с волей и советом отца на то, чтобы передать те скромные средства, что перешли к ней во владение, банкирам, дабы участвовать в их прибыли, как обычно делают многие и, по мирским меркам, порядочные люди, хоть и не без греха, но и не без выгоды.

Однако, каким бы тяжким и великим ни представляется этот грех теперь, в те времена он считался либо совсем лёгким, либо вообще не грехом. Сверх того, Иветту принуждал к этому наряду с отцовой волей и стыд нищеты, которая, как она боялась, постигнет детей, так как, потеряв отца, они были подобны сиротам, лишённым мужского присмотра, а также честь имени, из-за которой большинство людей даже в нищете стыдятся называться нищими – не потому, что считают нищету злом и не от Бога [исходящим несчастьем], а потому, что вместе с утратой

богатств утрачивается и честь имени, и уважение родственников, не внимающих изречению мудрого мужа:

«Коль нищета приходит с веселием,

То нет богатства её большего!»

(Федр, Басни, «О мыши городской и деревенской»)

А также словам Лукана:

«Бедность меж ларов простых! О, милость богов, которой

Не оценили еще!»

(Фарсалия, V, 528-529. – пер. Л. Е. Остроумова)

Послушай, что сказал об этом знаменитый поэт и философ Боэций:

«Кто первый это зло принёс нам?

Кто драгоценные впервые

Обрёл камня, предпочли что б

Спать вечно в недрах, – тот, кто это

Всё сделал, лишь беду принёс всем».

И чуть выше:

«О, если б век вернулся древний,

И нравы прежние воскресли!

Горит, как Этна, жажда к злату».

(Утешение философией, II, 5 (v). – пер. В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина)

Поэтому

«Был счастлив первый век, довольный

Надёжной пашнею своею, –

Не праздной роскошью, что губит

Привык он голод утолять свой

И жёлудем, когда придётся.

Дар Вакха с мёдом не мешал он,

Шерсть не окрашивал тирийской

Пурпурной краской. Спали крепко

Все на траве, поил источник

Холодный их, и отдыхали

В тени лишь пиний величавых».

(там же)

Но увы! На что ты только не толкаешь, «проклятая золотая жажда!» (Вергилий, Энеида, III, 57. – пер. С. А. Ошерова) Сыны века сего служат тебе в поте лица своего; ради наград твоих с радостью переносят труды сыны Адамовы; порою даже с опасностью для тела и души склоняют пред тобою выи свои и гнут спины все как один земнородные и сыны человеческие – богатый и бедный, мужчина и женщина, раб и свободный, благочестивый и беззаконник, мирянин и освящённый. И поистине люди любого состояния, пола и сословия правдами и неправдами алчно преследуют выгоду, словно бы все до одного готовые сказать друг другу:

«Пусть на отсталых парша нападает, стыжусь быть последним!»

(Гораций, О поэтическом искусстве, 417. – пер. А. А. Фета)

Каждый день в Церкви вопиет вестник наш Павел, обращается ко всем, а никто ему не внимлет, ибо все ищут своего, не того, что принадлежит Христу Иисусу (Флп. 2:21. – пер. еп. Кассиана). «Великое приобретение, – молвит сей апостол, – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогатиться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Тим. 6:6-10). И немного далее: «Ты же, человек Божий, убегай сего, а преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости» (1 Тим. 6:11). Ибо он имеет в виду, что «тот, кто имеет истинную веру в Бога, не стремится в несчастиях разбогатеть, и мир для него не важнее Бога» (Glossa Ordinaria, комм. к 1 Тим. 6:11).

[27] Присмотрись, о читатель мой, и увидишь, как под прикрытием благочестия и под предлогом нужды обманул простушку в простоте её древний змий и враг рода человеческого, многохитрый диавол, от страха перед обманом и кознями которого, впрочем, не дано было освободиться даже апостолу, сказавшему: «Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (2 Кор. 11:3). Легко мог искушать женщину и, искусив, временно возобладать над нею тот, кто осмелился добиваться, чтобы дано ему было просеять Князя апостолов, как пшеницу, и, наверно, совершил бы то, чего добивался, однако Христос молился за св. Петра (ср. Лк. 22:31-32. – пер. еп. Кассиана) и услышан был за Своё благоговение (Евр. 5:7). Ну так что же? Ужели лежащий снова восстанет? (Пс. 40:9. – прим. П. Юнгерова) Непременно, ведь Господь никогда не оставляет уповающих на Него (ср. Вульг. Иуд. 13:17)! Никто из надеявшихся на Господа не был постыжён (Вульг. Сир. 2:11), ибо сострадателен Господь (Вульг. Сир. 2:13). «Когда он падёт, – молвит пророк о праведном, – не разобьётся» (Пс. 36:24. – пер. П. Юнгерова). Почему так? «Ибо Господь подкрепляет руку его» (там же), то есть благодатью Своей поддерживает того, кто впал в грех.

И вот по прошествии определённого времени совестливая женщина, уразумела, что много и во многом оскорбляла Бога на пути, которым ходила (ср. Пс. 141:3), хотя,

пожалуй, и не прямо, а по простоте своей, и тут же прониклась отвращением к сего рода порочному приобретательству, а за то, что уже успела совершить, подвергла себя сообразным подвигам покаяния, а к молитвам, постам и милостыне с тех пор стала ещё прилежнее. Ибо же недостаточно, как сказал кто-то из святых, просто отступить от зла и изменить свой нрав к лучшему – следует возмещать пред Господом прежние деяния покаянным плачем, сопровождаемым милостынею, ибо лучше осудить самого себя временно, чем предстать вечному суду Господа. [Поэтому-то Иветта], вынеся себе приговор, старалась наказать себя самоё и карала себя, сожалея о содеянном.

[28] Однако не упускаю я из виду и того, что многие из тех, кто будет читать эту книгу, обязательно возмутятся тем, что письменам поручено предать житие и деяния какой-то грешницы, и уподобятся фарисеям и чванливому Симону Прокажённому, роптавшим, когда к Господу прикоснулась грешная женщина (ср. Лк. 7:36-40). Таковых попрошу учесть, что никто не чист пред Богом, даже однодневный младенец. И жить без греха во плоти греховной – это против законов природы и устройства плоти. «Ибо все мы, – изрёк Иаков в соборном послании, – много согрешаем» (Иак. 3:2). А Иоанн молвит: «Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1:8). Так же и Пророк: «Вся наша праведность пред Тобою, как тряпки после месячных» (ср. Вульг. Ис. 64:6). Так кто же может похвалиться, что имеет чистое сердце? (ср. Прит. 20:9) Да никто! Потому что все согрешили и лишены славы Божией (Рим. 3:23), то есть все нуждаются в прощении грехов, благодаря коему Бог являет славу свою, когда грешники полностью преображаются. Так что каждому требуется прощение; один Он без греха, и потому только Он один может прощать грехи (ср. Мк. 2:7).

[29] И пускай никто не удивляется, что женщина чуть не впуталась в такого рода промысел, поскольку это наверняка было попущено ей не без суда Божия, который как непостижим, так сложен. Допустим, упала она, провинившись, – ну и что?! Ведь восстала она после [осознания] вины своей, сделавшись, пожалуй, куда лучше, чем была до того, когда вела она себя менее осмотрительно и осторожно. Что удивительного, если женщина не одолела сильного, коль даже столпы небесные, основания и главы Церкви ослабевают в битве? Что делать былинке пустынной (ср. Вульг. Песн. 3:6), когда ливанские кедры сотрясаются и едва с корнями не вырываются? Как могла выстоять бедняжка, когда пали сильные в битве (ср. 2 Цар. 1:25), славные вожди земли (ср. Ис. 14:9) и верховные глашатаи закона и благодати, а именно Пётр и Давид, священник и пророк?

И пускай вас не удивит, что я назвал Петра священником, когда он пал, ведь он уже получил от Верховного понтифика – Христа Иисуса – все свои полномочия, то есть ключи и чин, то есть домостроительство таинств: сначала в странах Кесарии, где Господь в образе вручения ключей дал ему власть связывать и разрешать (Мф. 16:13-19); затем в Иерусалиме, после последней вечери Господней, где ему также была дана власть совершать [мессу], когда Господь изрёк: «Приимите... и разделите между собою...; сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22:17-19). Впрочем, как большинство утверждает, полноту обоих служений и большую их, в каком-то смысле, действенность, он обрёл после

воскресения Христа, когда он вдохнул [в апостолов] (ср. Ин. 20:22) и [затем ниспослал им] дар Духа Своего.

[30] А скажу-ка я во славу святых несколько слов о святых падших! Пал превосходнейший из пророков Давид, дабы никто не полагался чрезмерно ни на дар добродетелей, ни на славу заслуг, но хвалящийся хвалился Господом (1 Кор. 1:31). Пал князь апостолов Пётр, ведь чтобы научиться прощать грехи падшим, ему пришлось пасть самому. Пал учитель язычников Павел, дабы когда умножился грех, стала преизобиловать благодать (Рим. 5:20). Пала и апостол апостолов Мария Магдалина, дабы явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, коим спас Он её не по делам праведности, которые бы она сотворила, а по Своей милости (ср. Тит 3:4-5). Пала, в конце концов, и Иветта, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом (1 Кор. 1:29), и, паче смирившись, после [осознания своей] вины восстала и всегда несла в себе непрерывное о том сокрушение. Ибо ничто, как сказал один почтенный мыслитель, не склоняет так к смирению, как воспоминания о прежнем грехе, побуждающие к покаянию, в то время как оценка по достоинству добрых дел превознести ум до суетной славы.

Вот что пишет св. Григорий в «Моралиях»: «Часто сама наша справедливость при испытании справедливостью Божией оказывается несправедливостью, и у разборчивого ценителя чаще всего отвращение вызывает то, что землекопу кажется превосходным» (Moralia in Iob, 5, XI, 6). Поэтому Господь, чтобы наша праведность превзошла фарисейскую (ср. Мф. 5:20), дал Своим последователям безукоризненное наставление, молвив: «Когда исполните всё..., говорите: «мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что́ должны были сделать» (Лк. 17:10). И это потому, что доколе человек благодаря телу находится в сей тленной перстной плоти (ср. 2 П. 1:13), не знает он, что ожидает его: любовь или ненависть (ср. Еккл. 9:1, – пер. Новый русский перевод). Однако же хоть и семь раз на день упадёт праведник – встанет, а ноги нечестивых вмиг побегут к злодейству (ср. Прит. 24:16 и 6:18), и памяти о них пред Богом не будет более; притом знаем, что любящим Бога... всё содействует ко благу (Рим. 8:28) – даже падение на виду у людей, ибо это как раз пойдёт им на пользу, как говорит один уважаемый мыслитель, для смиренномудрого жития и умножения добродетели, дабы восстали они в вящем смирении и, став на будущее осмотрительнее, познали и, как сказал Апостол, смотрели внимательно, как ходят (ср. Еф. 5:15. – пер. еп. Кассиана). Ибо только одна добродетель, как говорит один уважаемый мыслитель, хранит человека в годину искушения – смирение, и не треснут в печи те, в ком нет пузырей гордыни.

Впрочем, хватит об этом.

[31] Итак, сия совестливая женщина, постоянно сокрушаясь о содеянном в сердце своём, приносила, как уже было сказано, Господу в жертву и тело своё (ср. Рим. 12:1 и Лев. 3:9), распиная собственную плоть со страстями и похотями (ср. Гал. 5:24). А поскольку показалось ей, что хорошо и душеполезно будет умиловить оскорблённого Бога, взяв средства из того, что нарушило её безмятежность, она прежде всего начала возвращать Богу в бедняках всё то, что ей совершенно несправедливо (по её опасениям) доставалось от других, решив не оставлять себе ничего на чёрный день, поскольку [все, что у неё имелось,] считала чужим, а не своим. Затем она отворила двери свои прохожему, принимая странников и путников

(ср. Иов. 31:32); стала давать алчущим от хлеба своего (ср. Тов. 4:16), по мере возможности обеспечивая их всем необходимым, творя сие то частным образом, то в обществе, и каждый поступок её показывал, что она как бы сама страдает от страданий каждого.

[32] Впрочем, трудно, а скорее, почти невозможно жить среди светских не по-светски и оторвать от мира ум свой, вращаясь в мире, который во зле лежит (1 Ин. 5:19), ведь кто прикасается к смоле, тот очерняется (Сир. 13:1) – поэтому благоразумная женщина подумала, что для совершенствования добродетели недостаточно будет подавать нищим ради Христа, а нужно Христу самоё себя посвятить. Зная, что истинный Самарянин возместит ей всё, что она издержит из Его и своих средств на подаяние ради Христа сверх потребного для поддержания жизни (ср. Лк. 10:35), решила Иветта, что труды всей её жизни можно будет поставить ни во что, если ко всему доньше сделанному не прибавить иноческого подвига (*vitae emendationis*). Рассудив же, что при жизни среди светских это не легко и что в совершенстве возвысить сердце своё она не сможет иначе, как прекратив лицезрение мира и того, что в мире (ср. 1 Ин. 2:15), восхотела она удалиться в уединение, чтобы провести остаток своей жизни, сосредоточившись на служении Тому, Кому служить всё равно что царствовать.

ГЛАВА X. КАК ОНА ОТРЕКЛАСЬ ОТ МИРА И УХАЖИВАЛА ЗА ПРОКАЖЁННЫМИ

[33] На землях её города недалеко от стен над рекой Маас было селение, где располагалось пристанище для больных, которых в просторечии называют прокаженными, откуда это место и получило свое название. Там же стояла какая-то старая церковь, грозившая вот-вот обрушиться от чрезвычайной ветхости, и в ней иногда служили мессу для больных, хоть и редко, ибо селение было бедное и церковь ни с чего не получала дохода, а поэтому почти никто не желал заходить в то селение, чтобы отслужить там мессу хотя бы пару раз в неделю, за исключением тех иноков и священников, которых туда иногда завлекала тяга самопожертвования или любовь к ближнему зазывала.

И вот, поскольку жители того места были весьма немногочисленны и редко кто в то время общался с прокаженными, не говоря уже о том, чтобы ухаживать за ними, благочестивая Иветта (ещё почти юная – лет двадцати трёх), поразмыслив, решила, что среди всех человеколюбивых занятий нет более унизительного, чем уход за прокажённым, но и нет ничего превосходнее этой заслуги; и помня Писания, где сказано: «Сколько ты велик, столько смирайся» (Сир. 3:18), всем существом своим возжелала перебраться к больным, оставив всё, чем владела, чтобы стать ниже в глазах людей и сделаться более угодной в глазах Бога, Который на смиренное взирает и превознёсенное издали знает (Пс. 137:6. – пер. П. Юнгера)

Ибо прежде всех добродетелей она всегда просила у Господа добродетели истинного смирения, которое служит прочным основанием благочестия, ведь нелегко чересчур согрешить тому, кому в этом постоянно препятствует смирение в сердце, вечный источник добродетели. Итак, по смирению своему желая стать ещё смиреннее (ведь смиренным Бог дает благодать (ср. Иак. 4:6)), Иветта пожелала унижить себя перед униженными, то есть прокажёнными и болящими, смиренно служа им всем в нуждах

их, чтобы внутри её постоянно смиряло ежедневное служение, а внешне – неприглядная работа.

К чему, однако, дальше мешкать со словами, когда дела её не терпят никакого промедления? Что она внутри благоговейного своего сердца задумала, то пожелала и вовне осуществить побыстрее, чтобы какое-либо другое дело случайно не расстроило столь благотворного замысла, а повседневная жизнь не отвлекла её на иные заботы, поскольку совсем уж вовремя поспеть к доброду делу не может никто, а опоздать – любой, ведь «созревшее губят отсрочки» (Лука, Фарсалия, I, 281. – пер. Л. Е. Остроумова)!

[34] Итак, распорядившись относительно имущества, дома и детей, она, невзирая на недовольство всех родных и отца (а благочестивая мать её уже давно ушла из жизни), перебралась в упомянутое селение. Все жители города изумлялись тому, что молодница, которой, казалось бы по мирским миркам нечего желать от жизни при её богатстве и цветущих летах, презрела славу мирскую и взыскала такого тяжкого труда, что тяжелее и быть не может: ухаживать за прокажёнными и жить вместе с ними. Но она, как бы только тогда впервые начав жить и существовать (ср. Деян. 17:28), препоясала силою чресла свои и укрепила мышцы свои (ср. Прит. 31:17) и, поступая мужественно (ср. Вульг. 1 Мак. 2:64) во всём и для всех (Вульг. Еф. 4:6) вокруг, постоянно ухаживала за болящими, причём так смирила себя на глазах у всех, что даже те обязанности, до которых не снисходили простые люди, выполняла с весёлым лицом и непритворной верою (Вульг. 1 Тим. 1:5).

[35] И вскоре молва о ней так широко распространилась, что едва ли не со всего края приходили почтенные и благочестивые лица обоих полов, чтобы увидеть её. А видели они, как Иветта накрывает стол для больных, поливает прокажённым воду на руки и даже моет им ноги и руки, когда они не могут сами; стирает и вытряхивает их одежду; укладывает их спать, поднимает с постели, причём все святые послушания исполняет добросовестно и неустанно с таким рвением и благоговением, будто верует, что во всех [несчастных] присутствует Христос, и казалось, будто она в каждом [из них] почитает Христа.

Многие при виде этого почувствовали угрызения совести, многие возжелали подражать её примеру, многие из любви к её добродетели вдохновились на такую же деятельность, причём некоторые из свидетелей её подвига или изменили к лучшему свою мирскую жизнь, или, оставив мир, приступили к святому иноческому подвижанию. Что касается большинства тех, кто не мог подражать тому, что видел, они молились о благополучии для неё и выдержке во всех сих начинаниях. И решительно все при виде её и беседе с нею назидались к лучшему, хотя и не все одинаково, но каждый в своём порядке (1 Кор. 15:23) по мере..., какую каждому Бог уделит (Рим. 12:3)

ГЛАВА XI. КАК ОНА СТРЕМИЛАСЬ СТАТЬ ПРОКАЖЁННОЙ

[36] Видимо, не подобает обойти молчанием и то, как святая женщина, желая паче приблизиться к Господу, смиренно молила Бога, если то сообразно милости Его, позволить ей заразиться проказой, дабы не было у неё никакого недостатка в полноте добродетели и в благодати (ср. Вульг. 1 Кор. 1:7), и чтобы для мира сего она стала ещё более низка и презренна. И вот с таковым намерением и целью она ела и

пила с прокажёнными; мылась в воде после их купанья; самолично пускала им кровь, чтобы заразиться от их крови, чтобы зараза принесла заразу, и проказа вызвала проказу, и болезнь пришла от болезни.

Посмотри, прошу, на смирение сей смиреннейшей из жен! Посмотри на подвиги её – достаточные, совершенные, преизбыточные! Ибо достаточно было того, что она жила вместе с прокажёнными; совершенства достигла в том, что за ними ухаживала; преизбыточным было её стремление самой стать прокажённой. Посмотри на веру крепчайшую, вернейшую надежду и совершенную во всём любовь.

Посмотри, прошу, на женщину, что оказалась деятельнее мужчины. Изучи труды её, в старательности её удостоверься, оцени намерение, цель восхвали, перейми рвение, доблести подражай, сорадуйся благоговению, в целеустремлённости уподобься, восхитись терпением во всём этом; терпением, замечу, не на день, не на год или два, а непрерывным – на одиннадцать примерно лет.

[37] Однако при всём усердии в сих смиренных трудах, [несущих на себе образ] подслеповатой Лии, не забылась и красота Рахилина (ср. Быт. 29:17, традиционное олицетворение деятельной и созерцательной жизни. – прим. пер.), но подобно Моисею, который попеременно то в стане нёс попечение о народе, то в скинии завета ожидал ответов Божиих, Иветта, чем бы ни занималась внешне, внутри всегда оставалась самой собою, ни днём ни ночью не отвлекаясь от общения с Богом и молитв. И хотя Марфа, казалось, вся была поглощена услужением (ср. Лк. 10:40. – пер. еп. Кассиана) занималась внешними делами и беспокоилась о многом (там же, 10:41), Мария, несмотря на это, была внутренне сосредоточена на созерцании вечной Истины, так что каждый видел в ней [словно бы херувима], сделанного искусною работою [на завесе скинии] (ср. Исх. 26:31). Так что, застав её за занятиями Марфиными, можно было бы решить, что она всегда действует, как Марфа, а если за Марииными, то невозможно было бы усомниться, что она всегда ведёт себя не иначе, как Мария.

И при всём при том Господь наделил её такой благодатью, что тот, кто хоть раз побеседовал с нею, едва мог потом отказаться от её общества. Поэтому-то и вышло так, что многие мужчины и женщины как из упомянутого города, так и из окрестных деревень, привлечённые радостью общения с нею, оставив то, что у них было в миру, а большинство даже вместе с имуществом своим, перебирались в то селение, дабы внимать речам её и её подвигами назидаться.

ГЛАВА XII. О ЧАСТЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ В НЕЙ ДУХА ПРОРОЧЕСКОГО

[38] И хотя в селении том было совсем туго с деньгами, да и вообще шаром покати, зданий – раз два и обчёлся, а что были, дышали на ладан, тем не менее, блаженная жена, ободряя всех, молвила: «Мужайтесь, и да укрепляется сердце ваше в Господе (Пс. 30:25), ибо ещё немного и Господь непременно сотворит милость свою к дому сему и расширит пределы его, и великая церковь будет построена для Господа на этом месте. И будут в нём священники петь непрестанно, и будут строиться всё новые здания, и сойдутся в них обитать люди разные, и будет селение сие весьма процветать, и память о нём будет возвеличена в земле сей (ср. Вульг. Пс. 111:7, Ис. 52:13, Иер. 14:15), и будут в нём служить Господу в святости и правде пред Ним, во все дни (ср. Лк. 1:75) навеки (ср. Вульг. Втор. 15:17).

Однако же пускай не страшит вас задержка, ибо не сразу должно свершиться тому, о чём я заранее говорю вам (Гал. 5:21. – пер. еп. Кассиана), но до старости и седин веруйте в Бога и знайте наверняка (ср. Ин. 14:1, Вульг. Втор. 32:23), что насмотрятся глаза мои (ср. Мих. 7:10) на то, что я предвозвещаю, ибо же не прейдёт род сей, как всё это будет (Лк. 21:32)».

И показалось всё это в глазах слышавших бредом (ср. Лк. 24:11. – пер. еп. Кассиана) и снами, ибо они почти совсем не надеялись, что в их дни произойдет то, что предсказала правдивая сия женщина. Предузнала она сие, очевидно же, потому что Господь удостоил её откровения, впрочем, когда и каким образом ей было сие явлено, она по смирению своему никому рассказать не захотела, а потому это неведомо до сих пор. Тем не менее, со всей точностью установлено, что в ней часто проявлялся дух пророчества от Господа, как можно будет ясно увидеть в дальнейшем.

ГЛАВА XIII. ОБ ОБРАЩЕНИИ К ГОСПОДУ ЕЁ ОТЦА ПО ЕЁ ЗАСТУПНИЧЕСТВУ И МОЛИТВАМ

[39] Тем временем блаженная молилась Господу, дабы просветил глаза отца её (ср. Езд. 9:8, Тов. 11:6), и не застала его смерть в разгаре той пагубной жизни, которую он вёл. Услышал Господь моление её (ср. Пс. 6:10) и свыше послал Он огонь в кости (ср. Плач. 1:13) отца её и ниспослал ему дух сокрушения (ср. Вулг. Рим. 11:8), благодаря коему он внезапно раскаялся в прежних деяниях своих, проникся желанием исправить жизнь свою к лучшему и духом страха Божия. Став вдруг совершенно другим человеком, он захотел совершенно отречься от мира, но рассудив, что неблагоразумно будет поступить так без позволения и согласия епископа (ведь он был его экономом), улучил, наконец, подходящее место и время, явился к епископу, смиренно открыл ему полностью свой замысел и кротко поведал всё, что было на сердце. Епископ, из прошения уст его (Пс. 20:3) уразумел, что сердце его посетил Господь, и хотя ему было трудно обойтись без него в своих делах, однако, не желая препятствовать доброму намерению, касавшемуся спасения его души, ради какой-то временной выгоды, благожелательно дал ему разрешение, которого он просил.

[40] При этом он настоятельно предупреждал его, что не следует в иночестве слишком поспешно приступать к более суровому образу жизни, дабы вдруг не разочароваться в принятом обете, ведь последний обман получится хуже первого (ср. Мф. 27:64), и посоветовал ему поселиться в Немустье, обители ордена регулярных каноников, расположенной в пригороде Юи, пожить там какое-то время с братией, пока не увидит, сможет ли в дальнейшем выносить строгость более сурового подвига. При этом епископ заботился о его благополучии, потому что хорошо знал состояние здоровья этого человека и весьма опасался, что он ни в каком ордене долго не выдержит.

Отец Иветты согласился с советом и увещаниями епископа, и тот самолично привёл его в обитель, и представил его аббату и братии, со всем тщанием описав [все сопутствующие обстоятельства], а перед отъездом настоятельно просил всех

постараться обходиться с ним так же почтительно и любезно, как если бы он сам собственной персоной находился при нём. И это незыблемо исполнялось.

[41] Затем, по прошествии времени, видя, что братия оказывают ему слишком много почестей и что живёт он слишком хорошо и непринуждённо, не зная отказа ни в одежде, ни в еде, что не способствовало покаянию, в коем он нуждался, будучи человеком грешным, получил он по совету дочери разрешение от аббата на постройку себе келейки сбоку от той убогой церкви, где было пристанище для больных и его дочери. Там он задумал уйти в вечный затвор, дабы загладить и смыть покаянием грехи, что прежде вершил. Помня, однако, обет, данный когда-то им св. Иакову о том, что он посетит его святилище в Испании, решил первым делом пойти туда, а уж после возвращения от св. Иакова затвориться в упомянутой келейке, о чём и договорился с дочерью.

Однако вышло не по задуманному, ведь человек предполагает, а Бог располагает, причём располагает куда лучше, чем человек мог бы предположить, хотя обычно человеку свои предположения кажутся весьма хорошими. Ибо когда сей человек, исполнив свой обет, вернулся из паломничества, он изменил свой замысел (но не свою цель, разве что на ещё лучшую) и, вняв совету иноков и дочери своей, вступил в Цистерцианский орден и, совлекаясь вместе с одеждами своими ветхого человека, облачился в нового (ср. Вульг. Еф. 4:22, Чис. 20:28, Еф. 4:24) в киновии Виллер, где затем вёл весьма благоговейное житие и, усовершенствовав во всём, завершил свой земной путь в мире и достохвальном подвиге. Причём на останках усопшего были обнаружены орудия сурового покаянного подвига, которые человек Божий применял при жизни, а именно: власяница на голое тело и некий железный пояс, коими он распинал плоть свою для мира (ср. Гал. 5:24), а мир – для себя (ср. Гал. 6:14), чтобы духом жить только для Бога.

ГЛАВА XIV. КАК РАБА ГОСПОДНЯ ИВЕТТА УШЛА В ЗАТВОР

[42] Когда отец её в белых (как прежде и [новорождённый] сын) одеждах блаженно представился к чертогам небесным, а старший сын тоже стал монахом – в обители Орваль, относившейся к Цистерцианскому ордену, благоговейная жена, как бы чувствуя себя освобожденной от всех забот земной жизни, решила служить Господу ещё более суровым подвижением и, оставив служение Марфино, всецело обратилась к лучшей части – Марииной (ср. Лк. 10:38-42). И по благословию досточтимого мужа, аббата Орвальского, когда он гостил в Юи, удалилась она в затвор – в келейку, которую отец её соорудил при церкви – истинная голубица Христова словно бы поселилась в ущелье скалы под кровом утеса (ср. Песн. 2:14).

И ликовала она в тот день, как бы в день бракосочетания своего, как бы в день, радостный для сердца её (ср. Песн. 3:11), словно бы уже неслась в сретение Христу на воздухе (ср. 1 Фес. 4:17). И с такой радостью сердечной препоясала она силою чресла свои (ср. Прит. 31:17), дабы идти по тесному и узкому пути, ведущему в жизнь (ср. Мф. 7:14), будто всё, что она прежде для Христа совершила, было ничем; и как бы поступками своими сказала: «Ныне я начала; это – изменение десницы Вышнего!» (ср. Пс. 76:12. – пер. П. Юнгерова)

[43] Итак, забывая прежнее и изо всех сил простираясь вперёд (ср. Флп. 3:13), устремилась она к победной награде вышнего звания (ср. Флп. 3:14). И тут вдруг

диавол, видя постоянство её подвига и то, что она как бы вознамерилась идти в Иерусалим (ср. 4 Цар. 12:7, Лк. 9:51), взяв себе в помощь всего Амалика, что переводится как «народ, лижущий [кровь]», то есть весь сонм злых помыслов и плотских соблазнов вместе со всеми воинствами порока, какими только можно воспрепятствовать человеку на пути спасения, он ринулся наперерез рабе Божией, чтобы если не телесно, то хотя бы в сердце заставить её обратиться к египетским котлам с мясом (ср. Исх. 16:3), от коих она некогда в Египте мира сего к вящей пагубе сытно вкушала.

Иветта же понимала, что победа не может быть достигнута без битвы и что никто не удостоится венца без победы, потому что не увенчивается, если не будет подвизаться законно (ср. 2 Тим. 2:5), и знала, что верен Обещавший (Евр. 10:23) в словах Своих: «Не оставлю тебя и не покину тебя (Евр. 13:5) во время лютое (Пс. 36:19)», что «верен, – как молвил Апостол, – Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, – сиречь прибавит сил, – так чтобы вы могли не только перенести (ср. 1 Кор. 10:13) его, но и победить». Посему взяла она для защиты ото всего щит веры и молитвы, коим встретила и угасила все раскалённые стрелы лукавого (ср. Еф. 6:16). А поскольку бесы разжжений плоти и нечистых помыслов не изгоняется иначе, как от молитвы и поста (Мк. 9:29), усмиряла она тело своё, поработая плоть духу (ср. 1 Кор. 9:27), как заставляют рабыню служить госпоже, распиная мир для себя, чтобы не любить ни мира, ни того, что в мире (ср. 1 Ин. 2:15), и, распиная себя миру, чтобы мир не опознал в ней ничего своего (ср. Ин. 14:30), как два мертвеца, они не видели друг друга.

ГЛАВА XV. О ПЕРВОМ ЯВЛЕННОМ ИВЕТТЕ ВИДЕНИИ И О ТОМ, КАК ПРЕСВЯТАЯ ДЕВА МАРИЯ СПАСЛА ЕЁ

[44] О как сокровенны суды Твои, о звездоносного мира создатель! (Боэций, Утешение философией, I, 5 (v), 1) О как неисследимы пути Твои, Господи Боже! (ср. Рим. 11:33) Придите и воззрите, все боящиеся Бога, как Он страшен в определениях о сынах человеческих, как грозны дела Его (ср. Пс. 65: 3, 5, 16), и все пути Его праведны (Втор. 32:4), кто узнает их (Иер. 17:9)?! Ибо вот, чтобы праведный да творил ещё правду, и святой ещё освящался (ср. Отк. 22:11), добрый становился лучше, а лучший – превосходным, Господь определил сотворить рабе Своей милость и правду (ср. Вульг. Мих. 6:8 и Иуд. 13:8): и не только ради неё, ибо всё, что свершилось, нам в наставление свершилось (ср. Рим. 15:4), потому что часто праведник наказуется, дабы убоился грешник. «Дело о скарбе твоём, стена коль горит у соседа», – говорит Поэт (Гораций, Послания, I, 18, 84. – пер. Н. С. Гинцбурга).

Вот, после долгого и достохвального подвига, которому вряд ли кто сможет подражать, после постоянных страданий телесных и слёз, после столь сурового покаяния и даров добродетели она вновь слышит призыв к искуплению за былые проступки, причём – увы! – за мельчайшие по меркам мира сего. Что творится, Владыко Господи? [Своим покаянным подвигом] сия женщина могла бы уже искупить человекоубийства и жуткие преступления, а Ты взыскуешь с неё за мельчайшие, будто она не воздала Тебе ещё вдоволь за более легкие [прегрешения], хотя более тяжкие уже давно были изглажены покаянием. Ты отпустил [грехи] великие, ибо милостив, так почему не же прощаешь меньших? Но Ты, как и подобает,

дивен, Боже, во святых Твоих (Пс. 67:36. – пер. П. Юнгера), неисследим в делах, непостижим в судах; воистину безрассудно со стороны человека пытаться исследовать глубину чудес Твоих! Праведен будешь Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою (Иер. 12:1); праведен Ты.., и справедливы суды Твои (Пс. 118:137), потому что для Тебя быть удивительным – не что иное, как быть Богом, а быть Богом – это не что иное, как быть удивительным.

[45] Итак, по прошествии нескольких дней после того, как она поселилась келейке одна, однажды ночью, когда после молитв и слез она преклонила на ложе голову свою, то восхищена была в духе и узрела: вот, спустили на носилках Сына Человеческого, и воссел Он, как Судия, чтобы судить, а вокруг Него стали различные чины ангельские. Увидела она также одесную Сидящего на престоле (ср. Отк. 5:7) Жену, восседавшую наравне с Судиею. Весь облик Её вызывал благоговение, и была она, казалось, несравненно прекраснее всех красот мира, так что поистине нельзя принять Её ни за кого иного, кроме как Ту, чьей красе которой дивятся солнце и луна, Царицу Небесную, Владычицу Ангелов, Матерь Божию, Преславную Деву Марию, по велению Коей, как выразился некто, замирают небесные воинства.

Короче говоря, день гнева – день сей, день скорби и тесноты (Соф. 1:15) для подсудимых, и не нашлось среди них никого, кто не вострепетал бы от ужаса при виде Судящего.

[46] И подвергнут был рассмотрению каждый поступок каждого человека, пока не пришла очередь судить Иветту. Она, не понимая, как и что сказать Судии в ответ, но зная в духе своём, что ей будет вынесен тяжкий приговор за свершённое ею некогда, задрожала и горько-горько расплакалась. Что делать?! Как избежать грядущего приговора, коли некуда бежать?! Наконец она подняла мокрые от слёз глаза на Матерь Милосердия, сидящую рядом с Судиею, и молитвенно простерши к Ней руки, со стоном просила о милости, взывая сердцем и взглядом, потому что иначе, как ей казалось, подступиться к Ней не получится.

Короче говоря, приближался час вынесения ей печального приговора; и вдруг Жена, сидевшая одесную, как будто восстала от седалища славы Своей и смиреннейше склонилась пред престолом Судии, Сына Своего единородного, преумильно прося сжалиться над рабою Своей и обратить суровый суд в милостивый. Судия, как бы с негодованием отвратив лицо, возвестил Матери, что эта женщина тяжко согрешила против Него и заслуживает наказания. Матерь же в возражение молвила: «Это правда, о Сын, она грешила во дни юности своей, но долгим покаянным плачем вдоволь омыла свои прегрешения; и хотя грех, за который ныне должна понести наказание, она, возможно, и не оплакала с подобающим сокрушением, потому что согрешила по неведению и до сих пор не полностью осознала великую меру греха своего, однако же прошу, уступи мне сей грех и наказание за него, а согрешившую отдай мне на поруки, потому что я не отстану от Тебя, доколе, отпустив грех, не одаришь её любовью Своей и действенной благодатью!»

Ну и возможно ли такое, хоть ныне, хоть когда-либо сын нашёл силы отказать матери, жених – невесте, друг – подруге, плоть – крови? Ведь Она кость от костей Его и плоть от плоти Его (Быт. 2:23). «Да будет, – молвил Сын, – Матушка, как Ты

просишь; прощаю Я грехи ей, но вверяю её Тебе, полагаясь на слово Твоё, а особенно – на любовь Твою и заботу».

И с этого времени Мать милосердия взяла её к себе (ср. Ин 19:27) на руки и, ласково утешив печальную, передала в руки Сына Своего, который, дав ей примирительный поцелуй, возвратил её Своей Матери со словами: «Матушка, се дочь Твоя (ср. Ин 19:26); вверяю её Тебе, как рабу, вовек Мне принадлежащую: храни, защищай и направляй её, как свою».

На этих словах суд завершился, видение прекратилось, и боголюбивая жена пришла в себя. И слышавший сие из уст её засвидетельствовал (ср. Ин. 19:35), и знаем, что истинно свидетельство его (Ин. 21:24).

[47] Ну а кто хочет знать, за какой такой грех грозил ей столь тяжкий приговор, то думаю, что это было то самое прегрешение, о коем мы упомянули в начале этой книги, а именно, что она, дабы освободиться от закона, который привязывал её к мужу (ср. Рим. 7:2. – пер. РБО), желала мужу естественной смерти. Поскольку ж, однако, сочтя лёгким этот грех, причисляемый к дурным помыслам и пожеланиям, она пренебрегла его искуплением и даже забыла упомянуть на исповеди; тем более, что он, пожалуй, недолго оставался в центре её внимания. Ясно, однако, что от этого видения она немало продвинулась в усовершеннии добродетелей и стала в дальнейшем осмотрительнее во всех делах своих.

ГЛАВА XVI. О СМИРЕНИИ ЕЁ ВЕЛИКОМ

[48] И вот, вспоминая дни молодости своей (Иез. 23:19) и припоминая грехи юности своей (ср. Пс. 24:7), она каждый поступок свой рассматривала с таким напряжённым вниманием, что во многих случаях находила за собой вину даже там, где её не было, сетуя, что тяжко на каждом шагу оступалась. И поэтому она постоянно напоминала себе о грехах, которые когда-то совершила, исповедовалась Господу, а также большинству священников, приходивших повидать её из почтения к ней, постоянно рассказывала о грехах своих и просила их молить Господа за неё. О смирение, столь подлинное, столь редкое в сердцах сынов Адамовых! Столь полноводным потоком захлестнуло оно сердце святой сей, дабы память великой благодати Твоей (Пс. 144:7) низошла и на нас, страшно отделившихся от Тебя и пребывающих в «месте ужаса» из-за отсутствия благодати и в «необитаемой пустыни» из-за недостатка добродетелей (ср. Вульг. Втор. 32:10) и наплыва многоликих пороков!

Ибо же блаженная жена, получив прощение всех грехов своих, как вы слышали, не превознеслась в тщеславии, и сердце её не стало надменным, и не покушалась она на то, что выше её (ср. Пс. 130:1. – пер. РБО), в отличие от некоторых, что хвалятся о том, что у них [чиста] совесть, и хвастаются [о том, что происходит] с ними. Она же пожелала сохранить свою тайну при себе и никому не разглашать её до конца, дабы сохранять о себе как более низкое мнение, не давая заслуг своих узнать никому из тех, кто мог бы стать глашатаем хвалы её и грабителем её добродетели. «Ибо, – как молвил некто, – тот, кто прилюдно отправляется в путь с сокровищами, напрашивается на ограбление» (св. Григорий Великий, XL Homiliarum in Evangelia 1.11. (PL 76:1115)).

Именно поэтому смиренная женщина никогда не скрывала перед теми, кто к ней приходил, своих недостатков или поступков не вполне благих и совершенных как устами вовне, так и сердцем внутри (ср. Рим. 10:10) [исповедовала грех свой], который она всегда со скорбью оплакивала, причём внутри она питала такие же чувства, какие выказывала внешне, смиряясь в очах Господа, в своих собственных, а также в людских.

Так возрастала она день ото дня в добродетели, но не считала то доброе, что творила, добром; поскольку, по её словам, неизвестно, угодно ли Богу то, что она делает, пускай даже это кажется ей хорошим и люди считают так же. Поэтому, творя добро, и причём в надежде, она всё же стремилась к большему, и тем ближе становилась к вершине совершенства, чем паче сетовала на то, что отнюдь не восходит по ступеням добродетелей и не возводит сердце к Господу, от Коего, однако, никогда не отступала, взыскуя Его в святой любви, ибо соединяющийся с Богом есть один дух с Ним (ср. 1 Кор. 6:17).

ГЛАВА XVII. КАК ОТВЕШИВАЛА ОНА СЕБЕ ЕДУ И ОТМЕРИВАЛА ПИТЬЁ

[49] Помимо всего этого, она так строго ограничила себя в еде и питье, что даже хлеб, служивший ей [единственной] пищей, и любую жидкость, даже воду, которую чаще всего пила, она каждый день вкушала не иначе, кроме как по [определённому] весу и мере, ведь иначе, вкушая в один день больше или меньше, чем в другой, можно было обратить попечение о плоти в похоти (ср. Рим. 13:14) и воздвигнуть себе противника во плоти своей. Из-за этого такая слабость поразила члены её и немочь в сердце, что если бы по совету благоразумных мужей и иноков, которые навещали её, а наипаче тех, кто имел духовную власть указывать ей, она не стала бы помалу умерять строгости своего подвига (к чему её едва удалось принудить даже с величайшими усилиями), то, надорвав здоровье, она окончательно умертвила бы своё тело, и так уже почти исчахшее. Поэтому, надеясь склонить её ум к благоразумному смягчению поста, учёные мужи представляли ей множество святоотеческих суждений и свидетельств Священного Писания.

ГЛАВА XVIII. НЕСКОЛЬКО ДОВОЛЬНО НАСУЩНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ, ПОБУЖДАЮЩИХ К ДОБРОДЕТЕЛИ БЛАГОРАЗУМИЯ

[50] Ибо умеренность, как молвит один мудрый муж, нужна во всяком добром деле, ибо лучше постепенно продвигаться в подвиге, чем по безрассудству лишиться сил. Поэтому-то и Апостол, наставляя Тимофея, молвил: «...Употребляй немного вина, ради желудка... и частых твоих недугов» (1 Тим. 5:23). Об этом отрывке бл. Августин говорит: «Богу угодно служение благоразумное, дабы никто не ослабел от чрезмерного воздержания так, что ему пришлось бы потом вызывать врачей на помощь» (Амброзиастер, In I epist. ad Tim.). Так же и в Уставе его говорится: «Плоть свою усмиряйте постом и воздержанием в пище и питии, насколько позволяет здоровье» (ср. Regula S. Augustini, cap. III, 14). Такого же мнения и Иероним: «Возложи на себя столько постов, сколько сможешь вынести» (ср. св. Иероним, Ad Nepot., 12). Апостол, после увещевания верных в своем Послании к римлянам, сказал: «Умоляю вас, братия.., представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу», - сразу затем добавляет: «Для разумного служения вашего» (Рим. 12:1), что значит: «Благоразумно творите то, что я велел выше, не чрезмерно, а умеренно смиряйте

тело, не для того, чтобы, подорвав здоровье, уничтожить его, но чтобы умереть для пороков.

[51] И поскольку написано: «Всё делай с рассуждением, и когда сделаешь, не раскаивайся» (ср. Сир. 32:21), святая жена в итоге уступила советам иноков, которые подкреплялись столь очевидными доводами от Писания, и научилась быть послушной там, где в послушании, как ей поначалу думалось, нет никакой заслуги, и в дальнейшем мудрее служила Господу, а потому и жила благоговейнее.

Прошу слушателей моих не соблазняться оттого, что жена сия немного умерила первоначальную строгость по чьему-либо убеждению или увещанию, ибо, хотя за это её можно было бы обвинить в непостоянстве, заметьте, однако, что отступление сего рода не является решающим, как бы от добра к злу, от большего к меньшему и, следовательно, от добродетели к пороку. Это скорее следует назвать движением вперёд по пути добродетелей, потому что, какой бы великой ни казалась какая-либо добродетель, если она не подчинена благоразумию, то не может быть ни добродетелью, ни предметом добродетели. Ибо, поскольку благоразумие называется матерью всех добродетелей и является таковою, то чем далее кто-либо отходит от неё, высшей среди всех добродетелей, то тем более склоняется к пороку, который добродетели противоположен, а чем ближе к пороку, тем далее от Того, Кто есть Господь сил и Царь славы (ср. Пс. 23:10, в Вульгате «Господь сил» переводится как *Dominus virtutum*, причём *virtus* означает, наряду с прочем, как «силу», так и «добродетель». – прим. пер.)

[52] И как нет ничего большего счастья, чем быть с Богом, Который есть высшее благо, так нет ничего более горестного, чем лишиться Его, ибо не быть с Ним – скорбь жуткая и величайшая из бед. Ибо не быть, как некто выразился, с тем, Кто есть жизнь, Кто есть всё, – значит вообще не жить, не быть. А о том, что чрезмерно строгое воздержание – это не столько добродетель, сколько порок, послушай, что говорит Писание: «Не будь слишком праведен, ибо праведник погибает в праведности своей» (ср. Еккл. 7:16, 7:15. – пер. П. Юнгерова). Откуда бл. Августин [делает вывод]: «Всякий, кто пользуется преходящими вещами более сдержанно, чем принято у тех, подле кого живёт, тот либо воздержан, либо суеверен. Кто же в пользовании ими преступает границы обыкновения, принятые у добрых [людей], среди которых обитает, тот либо нечто сообщает этим, либо лишён чести» (*De Doctrina Christiana*, III. 12.18). Можно даже чуть-чуть послушать, как язычники отзываются о благоразумии; например, Поэт:

Доблесть в середине лежит меж пороков равно удаленных.

(Гораций, Послания, I, 18, 9. – пер. Н. С. Гинцбурга)

И у него же:

Мера должна быть во всём, и всему наконец есть пределы,

Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!

(Сатиры, I, 1, 106-107. – пер. М. Дмитриева)

И [как гласит поговорка]: «Блаженные держались середины».

Ведь диаволу ни чем иным так легко не удаётся смущает умы иноков, как видимостью добра, потому что тем меньше берегутся его тенет, чем меньше замечают таящегося под личиной добродетели того, кто принимает вид Ангела света (2 Кор. 11:14), дабы ни в коем случае не отпугивать души избранных и тем вернее увлекать их в пропасть пагубы.

Поэтому блаженная жена всегда подмечала различные его злокозненные ухищрения (которых никакое человеческое разумение не может уловить и полностью понять, кроме как с помощью Святого Духа) и на всех путях своих с напряжённым вниманием взирала на каждый шаг по стезе деяний своих (ср. Вульг. Иов. 34:21), чтобы по крайней мере не слишком задерживаться (а то и вообще не оказываться) там, где искушитель мог бы найти слабое место, чтобы навредить.

ГЛАВА XIX. О ЗЛОНРАВИИ И ОБРАЩЕНИИ СЫНА ЕЁ

[53] Посему диавол, видя, что ничего не получается у него со святой Божией, обратился к хитрым уловкам «порока и лукавства» (1 Кор. 5:8), восставив ей во зло существо родное и близкое, плоть собственную, сиречь сына, который по-прежнему жил вовне в миру, вместе с родственниками, [и потому враг рассчитывал,] что ум [Иветты], обратившись к дорогому своему чаду, хоть немного умерит молитвенный подвиг, ведь не может же милосердная мать забыть сына чрева своего (ср. Ис. 49:15)!

Мальчик-то вырос сквернавцем, ибо, как только вышел из младенческих лет, предался превратному уму (ср. Рим. 1:28), и все, что у него было или что он мог раздобыть, тратил на худшие непотребства, [проводя время] со столь же развращёнными молодыми сверстниками, среди коих был чуть ли не первейшим распутником и греховодником, всех превосходя чудовищностью своих бесчинств. В итоге, после долгого плавания по угрюмому морю прегрешений, несчастный угодил в водоворот отчаяния, когда его пресыщенной душе уже оказалось нечего пробовать.

При всём при этом он в своей жизни часто избегал множества величайших опасностей, из которых, порой даже паче чаяния людского, всегда как-то выбирался безнаказанно.

[54] В конце концов до матери дошли вести о деяниях и жизни беспутного сына, да такие, что она предпочла бы умереть, прежде чем услышать их, а лучше и вовсе не родиться. Однако продолжила настойчиво молиться, лить слёзы, томить тело, смирать душу. Безвинная мать за виноватого сына била себя в грудь, рвала волосы, терзала душу свою и плоть, принося в жертву обе, а прося одного из двух: либо смерти для себя, либо жизни для сына, однако, замечу, не просто жизни, а такой, что для Бога живётся. Ибо никакая смерть не была бы для неё горше, чем жизнь, которую вёл сын её, ибо она была страшнее смерти; и не мог быть спокоен дух её, пока плоть от плоти её, сиречь сын, из-за сквернейшей жизни своей был удом диавольским, отступником от Бога (ср. Мак. 5:8), виновником зол (2 Мак. 4:1), гонителем добра, сыном погибели для самого себя (ср. Ин. 17:12), камнем преткновения для матери своей и скалою соблазна для ближнего своего (ср. Ис. 8:14).

И вот размышляла она и дух свой испытывала (ср. Пс. 76:7. – пер. П. Юнгерова), и мучилась, вновь рожая для Бога того, кого прежде родила для мира, дабы тот, кто по причине собственного беззакония был рабом греха (ср. Ин. 8:34) и чадом гнева (ср. Еф. 2:3), стал по благодати усыновления (ср. Еф. 1:5-7) сыном Божиим. Тогда поведала она друзьям своим о боли, которую внутренне терпела из-за своего сына, а также просила, уговаривала, горячо заклинала всех и каждого из приходивших к ней за утешением взывать к Господу о её умирающем сыне, надеясь, что Господь тем скорее смилостивится над несчастным, чем больше молитв и обетов сотворит за него как можно большее число людей.

[55] Между тем, однако, она попросила привести сына; его позвали, и он, кровожадное чудовище, стал (ср. Сульпиций Север, Письма, III, 16. – пер. А.И.Донченко) перед окном келейки рабы Христовой. Мать обращается к сыну, корит, упрекает, заклиняет со всяким смиренномудрием и мягкостью (ср. Еф. 4:2), источает слёзы, указующие на внутреннюю боль; и поскольку «глаголы, – как пишут грамматика (Исидор Севильский, Этимологии, I, IX, 1. – пер. А. Гараджи), – суть знаки духа», то по внешним знакам легко было догадаться, какая горечь крылась внутри души её. И вот от звуков стонов и потоков слёз, стекавших по щекам Иветты, точно от капель козлиной крови, треснул адамант (по античным и средневековым убеждениям алмаз можно было расколоть только козьей кровью. – прим. пер.) упрямого сердца, унялись страсти, склонилась выя, смягчилась непримиримая суровость: грешник почувствовал сокрушение, исповедал вину свою, признал ошибку, просил прощения за былое и подал надежды на перемену к лучшему в будущем, ибо страдания матери (пускай временно) дали ему понять услышанное (ср. Вульг. Ис. 28:19). Он и в самом деле опасался, что если продолжит доставлять огорчения матери, о святости которой он давно знал, то кара Божия поразит его, где бы он ни был, поэтому даже о бегстве не задумывался. Сего ради, как можно скорее получив от матери разрешение уйти (ибо нет ничего общего у света с тьмою (ср. 2 Кор. 6:14)), он утешал скорбящую, просил унять слёзы и больше не горевать, наконец, чтобы полнее оправдаться за грехи, причины зол своих приписал отчасти молодости, отчасти дурному обществу, будто бы кто-то привлёк его к порокам извне, и заверил, что ей больше не нужно хлопотать о его обращении ко Господу, ибо он, мол, не сомневался, что в ближайшем будущем до неё дойдут о нём добрые вести. Так, молвив ложь в сердце и от сердца лукавого (ср. Вульг. Пс. 11:3), пошёл, как несчастный Каин от лица Господня (ср. Быт. 4:16).

[56] Возвратившись же к соучастникам злодеяний, он снова впал в злодеяния; грех и грешник воссоединились, сцепившись, как репы; пёс возвратился на блевотину, вымытая свинья пошла опять валяться в грязи (ср. 2 П. 2:22), а преступник – в навозной куче.

Ходят слухи, к матери мчится молва (ср. Вергилий, Энеида, VII, 392) о гибели сына; вновь терзается она; суждено ей повторное мученичество; новые слёзы текут по щекам, ещё не вполне обсохшим от прежних; опять плач, опять вопли, опять воздыхания. Спешно сбегаются соседи, родственники и друзья; наперебой утешают, уговаривают, увещевают и умоляют её умерить скорбь, унять слёзы, чтобы сын не стал причиной её смерти. Но верная мать не принимает никакого утешения о чаде своём, ибо его нет (ср. Иер. 31:15).

Наконец Господь, сжалившись и желая положить конец трудам рабы Своей, услышал голос плача её (ср. Пс. 6:9), и принял её молитву, и возвратил ей сына, который пропал (ср. Лк. 15:32). [А случилось это] так.

Когда досточтимая мать, как мы уже сказали, услышала зловещие вести о том, что сын её бросился в пропасть прежних пороков, и страшно этим обеспокоилась, то, не в силах более сдерживаться от горя, призвала его к себе и, исполнившись в Духе Святом дерзновения, повелела ему от имени Христа либо немедля от зол своих полностью отступить, либо вообще покинуть сей край, чтобы слухи подобного рода в дальнейшем не доходили до неё. Несчастный заверил её, что будет послушен и что готов покинуть страну, если только получит на руки немного денег на дорогу. За этим дело не стало: ему выдали некую сумму сверх причитавшейся доли наследства, получив которую, он пошёл в дальнюю сторону (Лк. 15:13) в Льеж и, намереваясь задержаться там на какое-то время, через несколько дней отдал серебро своё в рост (ср. Лев. 25:37, Пс. 14:5).

ГЛАВА XX. О ЖУТКОМ ВИДЕНИИ, ЯВЛЕННОМ ЕЁ СЫНУ

[57] Но едва пришла полнота времени (ср. Гал. 4:4), предопределенного Отцом милосердия, или, иными словами, «время помирить его» (Пс. 101:14), увидел он однажды ночью как бы духом, как влекут его на судилище, и получает он там от Судии приговор о смерти и каре, и предан он сатане во измождение плоти (ср. 1 Кор. 5:5). И вот мучители, схватив его, потащили и, бросаясь на несчастного, жестоко и безжалостно колотили его, причиняя ему ужасные муки, и пытались раскалёнными клещами и щипцами вырвать его душу из тела, чтобы ввергнуть её в огонь вечный, дабы она вместе с ними навсегда осталась в пламени, которому не будет конца.

При сих телесных страданиях напали на него, как ему казалось, и страхи души отверженной, страхи, которые, стоит заметить, горше любой смерти и ужаснее любого страдания, ибо, когда он поднял глаза и огляделся по сторонам, нет ли помощника (ср. 4 Цар. 14:26), внезапно явился как бы посланец от князя, который молвил тем мучителям: «Больше его не бейте и не возлагайте больше рук на душу его, ибо Господь дал ему трёхлетнюю передышку по заступничеству матери; поглядим, изменится ли он к лучшему от данной ему благодати, или нет». Так сказал тот посланец. А сын Иветты, будучи отпущен мучителями, пришёл в себя в своей постели и, словно бы ещё чувствуя на спине рубцы от бичеваний и ударов, которые перенёс ночью, весь день ходил по улицам и переулкам города (Лк. 14:21), плача и сетуя (Вульг. Ис. 29:2), как бы в нерешительности относительно того, что ему следует предпринять в первую очередь, и совершенно не понимая, к чему обратиться. Ибо он думал, что всё ещё зрит видение, и, что бы ни делал, ему казалось, что это происходит во сне.

[58] Он долго кружил, словно бы заблудившись, после чего, очнувшись, уже в полдень вступил на рыночную площадь, где и остановился в задумчивости. Вдруг перед ним оказалась женщина видного облика и стати, которую, однако, он не узнал и даже не припоминал, чтобы когда-либо видал её. Поприветствовав его, она сказала: «Приветствует тебя мать твоя, о юноша, и просит тебя вернуться, ибо нуждается в тебе». После сих слов женщина удалилась, и он больше не видел её. Однако сказанное тотчас же так умилило его, что он превратился в другого человека

и, сделав распоряжения относительно имущества, без всякого промедления возвратился к матери и стал под окном её келейки.

Мать пристально воззрившись на него, ибо думала, что он уже уехал в дальнюю сторону. «Ты кто?» – молвила она. А он в ответ ей: «Я твой сын. Ты звала меня. Чего ты хочешь?» Она на миг оцепенела и, не припоминая, что поручала кого-нибудь что-либо ему передать, и заколебалась в душе: что бы это всё могло означать? В то, что происходящее устроено свыше, она отнюдь не верила, но всё же, разрываясь между надеждой и страхом и желая больше узнать о случившемся, спросила: «Как вышло так, что ты пришёл, сын мой, и что угодно тебе?» (ср. Вульг. Быт. 27:20) – «Я пришел к тебе, – отвечивал он, – в готовности исполнять волю твою (Пс. 142:10); только молви, что велишь мне делать! (ср. Деян. 9:6)». И рассказал он ей по порядку всё, что с ним случилось, и клятвенно заверил, что пришёл без всякой задней мысли. Выслушав его и уразумев, что свершившееся было делом Божиим, а не человеческим, она, возведя очи свои к небу и простерши руки свои ко Господу, молвила со слезами: «Благодарю Тебя, Боже, благодарю Тебя, благий Отче, что Ты услышал (ср. Лк. 18:11 и Ин. 11:41) голос рабы Твоей (ср. 1 Цар. 28:22) и не дал мне перед смертью обмануться в сердечном моём желании! Вот, ныне, когда сын мой обратился к Тебе, Боже мой, я умираю счастливая, ибо он остаётся среди живых в благодати Твоей!»

И вот, пока сын несколько дней гостил у неё, она ему нарадоваться не могла, словно бы он возвратился от смерти к жизни. Так оно и было. И вкушали они вместе хлеб с благодарением и в радости духа. Впрочем, не думаю, что сии духовные пиршества матери и сына проходили вовсе без слёз, ибо достохвальная сия жена могла по праву и в прямом согласии со словом Писания сказать: «Питье моё я мешала со слезами и чаша, напоевающая меня, как сильна!» (ср. Пс. 101:10, Пс. 22: 5. – пер. П. Юнгера)

[59] И вот по прошествии нескольких дней, когда она попыталась убедить сына пойти в какую-нибудь обитель цистерцианского ордена, он ответил, что ни за что не сделает этого, не изучив предварительно Священного Писания. Все, кому стало о том известно, дивились, а некоторые смеялись, как будто он говорил не в здравом уме или совсем по-детски; однако ж иные, глубже понявшие по сравнению с другими суть дела, решили, что следует попробовать направить юношу в школу, как он того просит, ведь в скором времени выяснится, от Бога он говорит или нет.

Короче говоря, юноша в чуть ли уже не зрелом возрасте снова садится за учебники и в кратчайший срок на глазах у всех делает невероятные успехи, так что даже тех, кто с детства посещал школу, он вскоре значительно превзошёл духом премудрости и разума (ср. Ис. 11:2). И это неудивительно, ведь не отстанет в учёбе тот, кому наставник – Дух Святой, Который дышит, где хочет, сколько, когда и как хочет (ср. Ин. 3:8). А после приобретения необходимых знаний он по совету матери поступил в цистерцианскую общину Труа-Фонтан (монастырь на территории нынешней коммуны Труа-Фонтан-л'Аббеи в исторической провинции Шампань просуществовал до 1790 г. – прим. пер.) и настолько усовершеншился, что через некоторое время благополучно получил священный сан и умер там после долгого и похвального подвижничества в полноте добродетелей.

ГЛАВА XXI. ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПРЕДСКАЗАНИЙ БЛАЖЕННОЙ ЖЕНЫ

[60] Итак, когда молва о жене святой, подобно духу ароматного благовония, разошлась ещё шире по всему краю, присоединилась к ней некая благочестивая и богобоязненная женщина по имени Маргарита, а также другие мужчины и женщины разного возраста, желавшие получать наставления от святейшей жены. И благословил Господь то же место и людей ради заслуг рабы Своей, так что они стали богаты как имущественным достатком (ср. Вульг. 1 Тим. 6:6) с любовью (Прит. 15:17. – пер. П. Юнгерова), которая, как кто-то выразился, в нужде нужды не знает; так и числом обитателей, как однажды в самом начале, ещё прежде начала какой-либо деятельности, святая Божия по откровению Духа и предсказывала. Снесши старые здания, поставили новые; дома теперь были велики и многочисленны; имелась обширная и пышная церковь довольно дорогой работы, в которой постоянно служили мессы трое священников, получавших достойный доход. Кроме того, Иветта попросила соорудить за стенами церкви с западной стороны две келейки; одну для себя, другую для юницы исключительных душевных качеств по имени Агнесса, которая одновременно с нею ушла в затвор по благословению и с позволения владыки епископа Льежского. А другую девочку из одного с нею города, которую с младенчества воспитывала, отмеченную благонравием, пользовавшуюся добрым именем и славой, жившую праведно, она с позволения того же епископа разместила у себя в келлии, ибо всем сердцем жаждала ей спасения. Она, кстати, оказалась верной помощницей Иветты, когда та уже стала немощна от старости. И не без божественного, насколько могу судить, устроения она после кончины сей святой осталась свидетельницей её добродетелей и правдивой рассказчицей о её деяниях, ибо из её свидетельства людям стало понятно, сколь велики и многочисленны были заслуги перед Всевышним той, чьи подвиги и святость были доселе совершенно сокрыты от мира.

[61] Не следует обойти молчанием и то, что по исполнении всех работ в обители (итоги которых можно наблюдать в настоящее время), прежде чем раба Божия покинула этот мир, почти все долги, сделанные в связи с тратами и расходами, были оплачены, а всё начатое довершено до последней-распоследней мелочи. При этом, присягая Богом и силою Божией, я недавно слышал от правдивых и достойных особ, что при самом начале огромных строительных работ святая Божия имела на руках едва ли тридцать серебряных солидов. С этой суммы она начала строительство, а Бог впоследствии устроил всё так, что по завершении необходимых работ до сего дня невозможно узнать, за счёт чего и как их удалось полностью довершить.

Также и порядок при ней в той обители достиг такой высоты, что и прокаженные все, и здоровые жили исправно и по уставу, отдельно мужчины и отдельно женщины, причём все согласно постановлениям свв. отцов довольствовались общей пищей, питием и одеждой.

ГЛАВА XXII. О НЕКОЕМ СВЯЩЕННИКЕ, СМЕЩЁННОМ С ДОЛЖНОСТИ ЗА ПОСТЫДНЫЙ ПОСТУПОК

[62] После того, как в той обители вырос неисчислимый урожай рабов Божиих и рабынь, предназначенный для хранения в сокровищницах дома Господня (ср. 1 Пар. 28:12), вместе с ним выросли и плевелы, однако, хотя посеянное врагом-человеком успело проклюнуться, земледелец быстро распорядился, чтобы их удалили (ср. Мф.

13:24-28), дабы малая закваска не заквасила всё тесто (1 Кор. 5:6). Ибо не бывает ни учеников без Иуды, ни зерна без плевел, ни Авеля, которого бы не злословил Каин.

В той обители проживал некий священник, который в грубой похоти своей положил глаз на некую юницу, которая жила при святой, помогая ей – в одном здании, но вне келлии. Ища возможности неприметно и вольготно потолковать с той юницей, но опасаясь, что его намерение раскроется, он, прикрываясь личиной набожности, притворялся большим другом рабы Божией и стал таким уж частым у неё гостем, что у некоторых по ошибке возникло злое подозрение, не питает ли этот священник нечистой страсти к блаженной жене. И говорил он с нею лукаво (ср. Вульг. 2 Цар. 3:27) под благовидным предлогом назидания душ, чтобы вольготнее и незаметнее насмотреться на ту, что была ему по сердцу, и насладиться беседою с ней.

Короче говоря, толки о том бродили среди челяди, пока святая Божия не узнала суть дела от своих, как полагала, близких друзей. Её ужаснуло услышанное, и неслучайно переменилась она в лице своём (ср. Дан. 5:6), и застонала (Дан. 13:22) глубоко оттого, что в чьё-либо сердце могла проникнуть хоть искорка подозрения. Однако душу её весьма смутили эти толки, и она совершенно не знала, что делать. Ибо она велела тому мужу прекратить неискренние речи свои и разговоры, но не подобало изгонять его из обители до конца года, ведь его пригласили на год. При этом не хотела она и давать повода к соблазну своим близким, продолжая допускать к беседам наедине сего мужа, из чьих уст, однако, на её памяти никогда не слышали слова неблагочестивого или настолько несообразного пристойности, чтобы оно могло бы кого-нибудь смутить.

[63] Поскольку она колебалась между различными решениями, то прибегла к обычному своему средству – молитвам, и с глубочайшим благоговением просила Защитницу свою и Утешительницу – Пресвятую Богородицу, чтобы Она, избавив её от сего мужа, помогла и ей мир сохранить, и ему честь спасти. И Матерь милосердия не замедлила услышать голос рабы Своей, но, желая утешить любезную [дочь Свою], явилась ей ночью в полусне и с дружелюбным выражением безмятежного лица молвила: «Не тревожься, дочь Моя, но дерзай (ср. Тов. 10:6 и Мф. 9:22), ибо Я услышала молитву твою, увидела слёзы твои (ср. 4 Цар. 20:5), и уже близко (Вульг. Тов. 5:13) исполнение желания твоего». Так сказала Она, и вскоре настоятель потребовал от этого священника переехать в другое место, указанное ему, и там служить. Что он и сделал.

[64] Видимо, не следует обойти молчанием и то, что со времени видения, о котором мы говорили, сия блаженная женщина то и дело обретала утешение в блаженной Деве, Матери Господа, во всех своих нуждах и скорбях, если таковые случались. Поэтому любовь и почтение к Ней возрастали в ней день ото дня, так что в итоге казалось, будто она только Её чтит, одной Ей служит частыми коленапоклонениями и молитвами в единении.

[65] И поскольку Иветта постоянно, чуть ли не непрерывно предавалась сим [молитвам и богослужениям], то по великой любви, которую он изливала на Мать, могло показаться, будто она забыла о Сыне, хотя нельзя служить Одной без Другого и не может не угодить Одному тот, кто при этом угоден Другой, потому что почест

Матери служит ко хвале Сыну, и воздавать славу Матери сообразно воле Сыновней. Ибо невозможно ни почтить подобающе, ни любить искренне ни Матери без Сына, ни Сына без Матери. Ибо ведь они едины в любви, едины в действии, едины во плоти, едины в духе, едины в милости, едины в славе. Говорю по человеческому рассуждению (Рим. 3:5): едины и тождественны плоть и кровь, Мать и Сын, Христос и Мария. Ибо плоть Иисусова является плотью Марии совсем в ином смысле, нежели Иосифова – Иуды и других братьев, которым он сказал: «Ибо он брат наш, плоть наша» (Быт. 37:27). Потому что плоть Иисусова, хоть и была прославлена славою воскресения, а в вознесении поставлена во власти превыше всех небес (ср. Мф. 28:18), осталась и навсегда останется по естеству всё той же плотью, приятной от Марии. Он – всё тот же: зачатый, рождённый и страдавший, воскресший из мёртвых; и плоть, которую воспринял от плоти Марии, «Он преселил выше звёзд одесную Бога Отца, почтив всё человеческое естество, а наипаче – Материно. И если по естеству Он является Сыном Матери, то подобает Ей быть Матерью Сына – не в смысле равенства Ему во власти, но в тождестве телесности, как человек [тождествен] человеку, плоть – плоти, мать – сыну не единством личности, но единством телесности. Ведь если благодать может соделать некое единство без усвоения общего естества...», – как молвит Августин ((Pseudo-)Augustinus, De assumptione B. Mariae Virginis, cap. V) (и как сам Сын говорит Отцу: «Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17:11) – то есть, чтобы они по благодати стали тем же, чем Мы являемся по божественной природе – и ещё «да будут они...как Ты во Мне и Я в Тебе» (ср. Ин. 17:19, 21) – что следует понимать, как сказано выше), то насколько же более при единстве по благодати, которая уделена Марии по праву и по заслугам, ещё и само общее естество соединяет Мать и Сына, Сына и Мать, Христа и Марию? Ведь Он кость от костей Марии и плоть от плоти Её (ср. Быт. 2:23)

[66] Итак, святая раба Божия часто была восхищаема духом к созерцанию невыразимой и чудесной сущности сего благодатного единства и нерасторжимой связи взаимного общения Матери и Сына, и пила из потока сладости, исходящего от Обоих, и насыщалась (ср. Пс. 35:9), хотя находилась ещё в пути, не достигнув Отечества; в надежде, а не на самом деле; в зеркале и гадательно, а не лицом к лицу (ср. 1 Кор. 13:12. – пер. еп. Кассиана); в покое, но не в Том самом (ср. Вульг. Пс. 4:9). Ну а в теле ли она бывала восхищаема – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает (ср. 2 Кор. 12:2). Известно, однако, что хотя при восхищении духа внешний вид тела её и членов оставался прежним, однако члены её цепенели, а от тела было не добиться «ни голоса, ни ответа» (4 Цар. 4:31). То Мать, то Сын достаивали её Своего присутствия, лицезрения и общения; она то обнимала ноги Иисусу, то лобызала руки Его, то почивала на Его груди, то Мария её утешала в объятиях, и она право мыслила о Господе (ср. Прем. 1:1), какую кротость Он имеет в самом Себе, какую нежность являет чрез Матерь Марию, сколь безмерен Он в величестве, сколь смирен во плоти, сколь неописуемо сияние славы и непостижим образ ипостаси (ср. Евр. 1:3) Бога – Бог Сына Отца; сколь кроток во чреве, нежен в лоне, сколь благо иго сие на руках и легко бремя на плечах (ср. Мф. 11:30) – Сын Матери Марии Христос; сколь славен Он одесную Отца, сколь обильною славой наделил Свою Матерь; как хорошо, в конце концов, как прекрасно, как приятно пребывать со Христом и Марией, Матерью и Сыном (ср. Пс. 132:1).

[67] Призываю Бога в свидетели (хотя не сомневаюсь, что многим сказанное мною покажется странным и неправдоподобным, ведь душевный человек не принимает того, что от Духа (1 Кор. 2:14)), что сведения, которые собираюсь поведать, я получил от того, кто знал тайны Иветты и принял её исповедь перед смертью, чьё свидетельство я неизменно считаю истинным (ср. 3 Ин. 1:12).

ГЛАВА XXIII. О ЕЁ МНОГООБРАЗНЫХ СОЗЕРЦАНИЯХ

[68] Ибо на исповеди она призналась, что однажды, когда она была восхищена духом, окружили её ангелы – девять справа и девять слева, по два из всех девяти чинов ангельских; и что эти самые ангелы облачили её в одежды, целиком затканые сверху золотом, и украсили её драгоценными ожерельями, а также камнями, многообразные виды и названия которых, как они описаны в книгах пророков, она в том же восхищении духа понимала, знала и различала, хотя, будучи простой и необразованной женщиной, совершенно не сведущей в таких вещах, она человеческим разумением была не в силах так хорошо разобраться ни в свойствах и названиях камней, ни в различных чинах и служениях ангелов, каковые в подробностях увидела, узнала и постигла в восхищении духа.

Также она свидетельствовала, что её в эдаком пёстром убранстве (ср. Вульг. Пс. 44:10), славою и честью увенчанную (ср. Пс. 8:6), подхватила череда ангелов и привела к престолу Бога и Агнца (ср. Отк. 22:1), и представили её ангелы Господу приготовленную, как невеста, украшенная для мужа своего (ср. Отк. 21:2). Хотя нет сомнений, что она видела и слышала «тайное премудрости» (Пс. 50:8. – пер. П. Юнгера) Божией, однако, что ей там довелось увидеть и услышать, мы не можем знать, а значит и рассказать, ведь, несмотря на настоятельные уговоры, она отказалась о том поведать – прежде всего, думаю, потому, что человеку о том не положено знать и рассказывать.

[69] На вопрос о простой сущности единого Бога в трёх разных лицах, она смиренно отвечала, что недостойна созерцать такого рода явления и ей совершенно не хватит не сил, ни здоровья погружаться умом в столь великое и для неё недостижимое (ср. Пс. 130:1), дабы вдруг, попытавшись думать более, нежели должно, (ср. Рим. 12:3) и искушать Величие, не оказаться подавленной Славою (ср. Вульг. Прит. 25:27). Ведь, как она говорила, невозможно от размышлений о незримом воспарить в восхищении духа к созерцанию единой и нераздельной Троицы без тяжкого надрыва сердца и истощения сил; весьма возможно при этом не прийти в сознание, повредить здоровье и разум, и вообще это опасно для жизни, особенно до тех пор, пока тварь стонает от рабства сему тлению по свободе славы детей Божиих (ср. Рим. 8:22, 21).

[70] А на вопрос, может ли ум, вознёсшийся к созерцанию невидимого, вспомнить кого-нибудь из своих близких или друзей, дабы при лицезрении Господа попросить Его об их спасении с большей надеждой быть услышанным, Иветта ответила, что, хотя Господь дарует многим такую благодать, что в самом видении вечных явлений они могут узнать состояние каждого, кто этого по благодати удостоен, однако просить за кого-нибудь при непосредственном воззрении на Господа невозможно, как невозможно и желать ничего помимо того, чего желает Он, поскольку всё время, как пребываешь в таком восхищении духа, становишься един с Тем, с Кем пребываешь. Ведь прилепляющийся так к Господу – один с Ним дух (ср. 1 Кор. 6:17. –

пер. еп. Кассиана), и чем выше поднимается ум к славе невидимого, тем меньше могут его озаботить видимые и вещественные явления. Ибо ум целиком растворяется в любви к своему Создателю и, чудесным образом пребывая в Нём, забывает всё, что пребывает вне Его; аж до того, что собственное тело отвратительно ему, когда пора к нему возвратиться, и теперь от сладости богосозерцания и памяти о былой утехе в тягость ему то, что прежде обычно доставляло удовольствие, и то, что служило земному здоровью и жизни, чуть ли не грозит смертью.

[71] И хотя блаженная женщина, по её собственным словам, не восходила в своих восхищениях духа до созерцания сущности (essentiam) Троицы, в Которой Бог в трёх Лицах предвечно есть один и единый Бог по природе (substantia), но остановилась лишь на том, что относится к человеческому естеству Христову, в коем Он в конце времен изволил родиться как Человек от Девы, всё равно, когда ей приходилось возвращаться в своё собственное тело к плачевным ограничениям твари, которые не позволяли ей быть более с Господом, то, словно наперекор воле вырванная из рук Возлюбленного своего, терзалась, кричала, мучилась, как от насилия (ср. Авв. 1:2); как роженица, металась туда-сюда; вздыхала, точно истомившаяся влюблённая. Доходило даже до того, что она со странным негодованием отвергала предлагаемую еду и отказывалась от удовлетворения жизненных потребностей, и, словно бы вознамерившись всегда обходиться без них, так рвалась душой в небеса, что едва удерживалась в своём хрупком теле, которое было как бы единственным препятствием, отделявшим её от объятий Возлюбленного. И хотя многое из того, что ей довелось познать в созерцании небесного, она не сообщила, да и непозволительно нам знать всего, что Духом Святым было открыто ей одной, однако совершенно несомненно, что она видела и слышала множество тайн и что имела ведение сокровенного (ср. Сир. 42:18-19), как яснее ясного будет понятно из дальнейшего повествования (без соблюдения, впрочем, временной последовательности) о том, что Господь сотворил чрез неё.

ГЛАВА XXIV. О ДЕВУШКЕ, КОТОРУЮ ГОСПОДЬ ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ СОХРАНИЛ ПО ЕЁ МОЛИТВАМ В НЕКОЕЙ ВЕЛИКОЙ ОПАСНОСТИ

[72] Так, например, в числе других дев, коих она воспитывала во Христе, была одна юная девица, которую она более иных лелеяла, наставляла и увещевала, потому что уже давно, от младенческих лет её растила, как любимую дочь. Она была ревностнее прочих своих сподвижниц в трудах, строже в постах, усерднее в бдениях, искреннее в молитвах, щедрее на слёзы, любезнее в общении, являя при этом сдержанность в жестах, смирение и скромность. Впрочем, хотя прочие превозносили подвижническое житие её и сияние добродетелей, написано: «Не восхваляй человека при жизни его» (ср. Вульг. Сир. 11:30); и в итоге достохвальная жена из откровения Духа уразумела, что вскоре эта самая юница низринется с высот совершенства, и из-за неё в ближайшем будущем многие претерпят соблазн от скандала, о чём не преминула сообщить и некоторым из близких друзей своих. При этом, часто втайне зазывая к себе девушку, Иветта увещевала её, внимательно и прилежно наблюдая за собой, со всяческим попечением беречься искушений и ловушек врага, которые, как

она весьма опасалась, временно превозмогут девицу, ведь она уразумела от Духа, что так будет.

Девушку перепугали таковые речи, и от услышанного поник лик её (ср. Быт. 4:5), и вид лица её совершенно изменился (ср. Дан. 5:9), потому что она ничего такого не знала за собой, и ответила с клятвенным заверением, что помыслы сердца её чисты, и что у неё есть благое намерение продолжать начатое, и что она совершенно не понимает, откуда ждать опасности для своей совести.

[73] Ох, где диавол, там нет вообще ничего безопасного! (св. Иероним, Vita Malchi monachi captivi, 6, 3) Некий молодой студент-богослов (clericus), которого хорошо знали в обители, под личиной набожности и прикрытием рясы стал обхаживать ту девушку, часто беседуя с нею о том, казалось бы, что относится к спасению душ. Поскольку же девушке казалось, что внутри он так же прекрасен, каким внешне его делают пристойные слова, после многочисленных взаимных похвал и заверений в духовной привязанности, они поклялись друг другу хранить обоюдную любовь и соблюдать непреложную верность. Вот так он и хаживал к юнице, дабы увещевать, нет, дабы внушить веру, будто увещевает её только к лучшему, будто укрепляет её в подвиге, а сам [подкрадывался], хищный волк (Быт. 49:27) к овечке Христовой, грабитель к добыче (ср. там же), к беззлой злодей, нечистый к священной, к деве развратник, и под завесою слова Божия, которое на гибель себе гласил вовне, внутри таил и питал пламень незаконной страсти.

[74] В итоге, когда он уже не мог больше сдерживаться, чтобы не выплеснуть яд, который уже давно носил в душе своей, но боялся, что откровенными речами откроет дурную совесть свою и тогда уже ничего не сможет предпринять против неё, а потому решил зайти совсем с другой стороны, чтобы внезапно втайне выстрелить в непорочную (ср. Пс. 63:5).

Но что бы вы думали?! Слышите диво, ибо о дивах скажу я; слышите и смотрите, бывало во дни отцов ваших ли такое (ср. Пс. 44:11, Ил. 1:2), что сотворил этот человек, если я вообще должен приписывать сделанное человеку? Сравните, что сделал змий, нет, диавол в змие, чтобы соблазнить первого человека, и что удалось сделать этому человеку, дабы увлечь юницу в пропасть. Смотрите, если поступок сопоставить с поступком, и сличить событие с событием, предлог с предлогом, уловку с уловкой, окажется, человек этот измыслил уловку посильнее и похитрее уловки змиевой, да что там – дьявольской.

[75] Ибо прежде всего он заявил, что печётся о спасении девушки, как о своём собственном, и после сих внушающих доверие слов, испустив из глубины сердца тяжкий вздох и притворившись, что вот-вот прослезится, сказал, что знает о ней нечто, из-за чего душа его скорбит так сильно, что нет скорби, подобной скорби его (ср. Вульг. Плач. 1:12), ибо не облегчить её никакими утешениями. На вопрос девушки о причине печали он ответил, что скорбит о её гибели, причём не какой-нибудь там, а о гибели души её, которую он, мол, любит как свою (ср. 1 Цар. 18:3). Ибо, мол, ему было открыто Духом Святым (ср. Еф. 3:5), что у неё не может быть никакой надежды на спасение, пока она пребывает в настоящем состоянии и месте. При этом он утверждал, что причина этого очевидна: девушка слишком знаменита, другие слишком хвалят её за заслуги, она пользуется слишком большим почётом в

обители. Из-за этого якобы возгордилось сердце её (ср. Иез. 28:17) и вознёсся тщеславием ум, и ей невозможно будет спастись, пока не оставит она всё и не удалилась в место, где никто не будет знать её и превозносить её святые подвиги, где не найдётся ни того, кто похвалит её добродетели, ни того, кто похитит у неё спасение.

Дурочка поверила негодным речам, сочтя их превосходными, и, чтобы избежать грозивших ей, как она себе вообразила, зол, пообещала, несчастная, уйти, если найдётся провожатый, на которого она сможет положиться. «Ну а я, – молвил он, – более не допущу, чтобы ты подвергалась опасности, ведь без тебя нет мне ни спасения, ни радости сердца! Так вот, именно я (поскольку лучшего и более подходящего провожатого тебе не сыскать), что бы там дальше со мною ни стало, договорюсь, чтобы тебя отвели... или, пожалуй, сам отведу тебя в обитель, которая, как я знаю, как нельзя лучше тебе подходит и весьма способствует благочестивой жизни. Если ты вступишь в неё, несомненно сможешь спастись. Только ни слова никому ни о путешествии, ни о нашем уговоре и замысле, столь спасительном и для души твоей столь необходимом, ибо если кому-нибудь проговоришься, окажется что зря я трудился для тебя (ср. Гал. 4:11)».

[76] Она согласилась на всё и, никому не поведав о пагубном деле, втайне распорядилась своими делами и в условленный день и час вверилась Богу и доверилась злодею. Как можно более скрытно выйдя из тех мест (Мф. 15:22), она последовала за ним даже за пределы провинции, как за волком овца, как жертва за палачом. Он же, видя, что она отдана в его власть, и полагая, что она сделает всё, что он пожелает, наконец осмелился открыть ей тайны сердца (ср. 1 Кор. 14:25) своего, и изо дня в день заводил речь об одном и том же, надеясь, что она сама захочет отдаться ему. Но девушка, услышав, куда он клонит, наконец, хоть и поздно, осознала, что студент одурачил её и обманул, и горько-прегорько заплакала. Тем не менее, надеясь на благодать Господа, Которому она служила духом (ср. Рим. 1:9), она ходила с юношей в чистоте сердца своего (ср. 3 Цар. 9:4) и при этом постоянно твердила, что никакие уговоры, никакая сила или угроза смерти не вынудит её отдаться ему, пускай он хоть тысячу раз лишит жизни её брненное тело. Из-за этого, однако, юноша не переставал докучать ей денно и нощно; и ещё более распалившись к ней жаром похотливой страсти, он подступал к деве с обещаниями и угрозами, а иногда даже пытался применить силу, но ничего не добился. И длилась эта битва не день и не несколько, а почти шесть месяцев подряд, в течение которых мясник водил агницу Христову из города в город, с места на место.

[77] Вдвоём они путешествовали, вместе ели, вместе отдыхали, а иногда и спали на одной постели, но таковую Господь даровал рабе Своей благодать, что всё то время, когда они были рядом, юноша никак не мог одолеть её, причём она даже ни разу не позволила ему добраться до голого тела. Ибо над коварством всё время торжествовала вера, с коей досточтимая Иветта вверяла Господу дочь свою, а также плач, скорби и вздохи, молитвы и слёзы, с которыми она непрестанно приносила себя во всеожжение Господу за дочь свою потерянную.

[78] Кроме того, Господь втайне поведал рабе Своей, что вернёт ей дочь, которую она оплакивала, словно мёртвую, целой и невредимой, и, как прежде, не тронутой мужем девицею. Сие надёжное обещание доставило жене верной утешение, а

оплакивавшим девушку друзьям и знакомым она клятвенно пообещала, полагаясь на помощь Господню, что дочь её в скором будущем вернётся такою же, как покидала обитель, в полноте сохранив достоинство целомудрия и честь девическую. И не осталось ни одного из слов неисполнившимся (ср. 1 Цар. 3:19), но случилось всё так, как она предсказывала.

[79] И вот всё блуждал студент тот с девушкой, пока, наконец, наделав в скитаниях своих много кругов, не решил – возможно, просто наугад – идти в Мец (примерно в 200 км от Юи! – прим. пер.). А при приближении к городу довелось им проходить мимо келлии некоего затворника, мужа, по общему убеждению, исключительной святости. Получив возможность поговорить с тем мужем, девушка на исповеди подробно рассказала ему свою историю, а также всё, что с нею случилось, и смиренно молила со слезами, чтобы он смилоствивился над нею и, если возможно, избавил от притеснителя (ср. Пс. 139:2). Выслушав девушку, человек Божий с величайшей охотой согласился [помочь ей] и, велев запереться в доме, попросил каких-то своих родственников, которые тогда находились там, с подобающей суровостью выбрать юношу, который с криками и угрозами домогался, чтобы ему вернули «его жену», и прогнать его с позором из селения. А девушку он велел верным друзьям отвести в Мец и передать под защиту одной затворнице. Пробыв у коей несколько дней, девушка в итоге встретила в городе несколько купцов из края и племени своего, родственников своих, которые, встретив её, они возрадовались радостью весьма великою (Мф. 2:10) и честь по чести доставили её обратно домой. И вот досточтимая матушка Иветта приняла свою потерянную дочь со слезами и радостью сердечной, благодаря Бога, Который дал ей, чего желало сердце её (ср. Пс. 20:3). И все дни жизни своей провела она с девушкой в благодарении (ср. Вульг. Тов. 2:14), постами и молитвами служа Господу денно и ночью (ср. Лк. 2:37 и Вульг. Иуд. 4:11), причём та девушка до самой смерти преподобной Иветты, находилась при ней, а после кончины её стала посвящённой Христу девой, среди каковых остается и по сей день.

ГЛАВА XXV. СРАВНЕНИЕ РАБЫ ХРИСТОВОЙ С НЕКИМ БЛ. АВРААМОМ

[80] Собственно говоря, сей святой современнице нашей, как мне кажется, было дано больше, чем во дни отцов наших (Мф. 23:30) блаженнейшему Аврааму (св. Авраам (Авраамий) Кидунайский, пам. 29 окт.), который, согласно «Деяниям отцов», племянницу свою, сиречь дочь брата своего, девушку чистую, со младенчества давшую обет обручения со Христом, потерял почти так же, как блаженная потеряла оную [духовную дочь свою], но оба по-разному обрели чад своих. Первая, соблазнённая кем-то, прикрывавшимся показной набожностью, и разлившись в пору девчества, оставалась потом много лет во грехе своём, а вторая, хоть и соблазнённая под прикрытием благодеяния, вела постоянную борьбу со врагом, и не смог он ни обещаниями прельстить её, ни угрозами склонить к отказу от обета целомудрия и к согласию на грех. Авраам своими молитвы стяжал у Господа милость, чтобы, хоть и нагрешив, дочь его возвратилась на покаяние в покинутую ею прежде обитель; заступничество же Иветты было столь действенно, что её дочь возвратилась домой столь же нетронутая телесно и духовно, как была до того, отчего и не потребовалось её принуждать к покаянию, ведь её не на миг не смогли одолеть ни грех, ни мужское беззаконие. [Подвижник] тот, чтобы вернуть свою

дочь, вышел из келлии своей монашеской, переменяв одеяние, а сей [затворнице] по воле Божией не позволено было ни искать дочери, ни посылать за ней никого, но не лишилась она желаемого своего (ср. Пс. 77:30. – пер. П. Юнгера), но возвращена она была ей после недолгой разлуки и паче всякого чаяния человеческого. И вот, здесь больше Авраама (ср. Мф. 12:41); ведь поистине «это от Господа, и есть дивно в очах наших» (ср. Мф. 21:42).

ГЛАВА XXVI. О НЕКОЕМ СТУДЕНТЕ, СЛУЖЕВШЕМ РИЗНИЧИМ В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ ЮИ

[81] Ещё некий студент исполнял обязанности ризничего в церкви Пресвятой Марии Приснодевы, что в городе Юи. Он воспытал страстью к одной тамошней женщине порядочного, как ошибочно думали, поведения, и, поскольку ему было негде заняться срамным делом, он в итоге по дьявольскому наущению согрешил с нею ночью в церкви, поскольку ночевал там, и ему казалось, что так будет удобнее и незаметнее. Однако недолго свершившееся смогло утаиться от досточтимой Иветты, ибо она узнавала духом все, что происходило: с кем, когда, где, в который час. И вот, в первую очередь она попросила привести к ней женщину, которая была ей немного знакома; сообщила ей то, что видела духом, и сурово, как она того заслужила, выбранила её за содеянное. А она, чрезвычайно устыдившись, в страхе быть застигнутой в грехе (ср. Ин. 8:3. – пер. еп. Кассиана), призналась во всём случившемся и по воле и совету Иветты охотно и искренне пообещала искупить содеянное против Господа и Пресвятой Его Матери, Которую весьма оскорбила тем, что учинила столь гнусное преступление в храме имени Её. После чего возвратилась домой, благодаря Бога, ибо со всей ясностью благодаря рабе Его осознала, как Он заботился о спасении её.

[82] Студент же, которого раба Божия позвала и раз, и другой, надеясь пробудить и в нём раскаяние за свой грех, не удосужился прийти, потому что дьявол ослепил очи сердца его, дабы не познал он Того, Кто увещевал его к покаянию с помощью рабы Своей, которой эти события были открыты, я думаю, ради их спасения обоих. В конце концов святая Божия через гонца предупредила его, чтобы либо пришёл к ней, либо немедля искупил пред Богом содеянное, иначе же пускай знает, что суд Божий близок, чем он, тем не менее, сознательно пренебрёг. Но через короткое время, по слову блаженной, тот студент, со странной внезапностью заболев, жалким образом скончался вне всякого церковного общения и каких-либо таинств.

ГЛАВА XXVII. О ДЕКАНЕ ТОЙ ЖЕ ЦЕРКВИ

[83] Перейду-ка я к видениям и откровениям Господним, о которых не буду молчать (ср. 3 Езд. 15:8), хотя многое и пропущу, ибо если бы я попытался вставить в эту мою книгу всё то, что мне сообщили, речь моя продолжилась бы до бесконечности.

В церкви Пресвятой Марии был некий декан, который, как говорили, жизнь вёл изрядно распущенную и совершенно погряз в пороках, сверх меры предаваясь любостыжанию, которое есть идолослужение (ср. Кол. 3:5, Еф. 5:5), что довело его, по утверждению многих, до заурядного ростовщичества.

О нём Иветта в восхищении духа имела видение, будто Блаженная Мать милосердия Дева Мария, воссев в собрании святых, горько пожаловалась Судии,

Сыну Своему на того декана за то, что он обесчестил церковь, посвящённую Её имени, постыдными делами и стяжательством; впрочем, Ей было дано утешение, что скоро праведный Судия Христос, сын её изречёт над ним приговор, а именно тот, что он будет предан на вечные муки в аду, где за грехи свои, коими заслужил он гнев (ср. Вульг. Иов. 6:2), через рот его, ноздри и глаза заструится спущенный с поводьев огонь, который он развёл для себя ещё при жизни.

[84] По изречению же вышнего приговора и окончанию великого видения, Иветта немедленно вызвала декана на разговор, а когда он пришёл к ней, открыла ему в исповеди всё, что увидела и услышала о нём, и убеждала с мольбами исправить ошибки свои и сотворить покаяние за былые грехи, а в будущем от них воздержаться, пока терпение Божие ещё ожидает его покаяния. Послушав её, но, как глухой аспид, который затыкает уши свои (ср. Пс. 57:5), не вняв мольбе об исправлении, он удалился, как и пришел, если не хуже, а о том, что ему поведано ею, почти совсем не беспокоился, сочтя всего лишь сном.

Но во исполнение слова, реченного Пресвятою Девой, в скором времени тот декан был взят от этого света, причём довольно жалким образом.

ГЛАВА XXVIII. О НЕКОЕЙ ЖЕНЩИНЕ ИЗ ТОГО ЖЕ ГОРОДА, КОТОРАЯ ЗАБОЛЕЛА ПРОКАЗОЙ

[85] Подобным же образом и в том же виде она в другой раз в восхищении духа увидела, как Судия выносит страшный и чрезвычайно суровый приговор за некие утаённые проступки некоей знакомой ей женщине из того города, [которая предстала] на том же совете святых, и как бы огонь изошёл из срамных мест её и почти полностью истребил верхние части тела. И вот боголюбивая жена, придя в себя, уразумела, что вскоре на ту женщину поднимется для удара рука Господня, а потому пригласила её к себе и подробно рассказала своё видение о ней, и стала уличать её и убеждать, отречьшись от блудных похотений и греховных деяний, обратиться к Господу всем сердцем своим (Втор. 30:10), а если вдруг загадочным образом (*diuinitus*) найдёт на неё язва телесная, благодушно принять её, как если бы она была послана Господом. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьёт же всякого сына, которого принимает (Евр. 12:6).

[86] Итак, спустя малое время, постигла её по слову блаженной рука Господня (ср. Руфь 1:13), поразив плоть её жутчайшей проказой, так что от подошвы ноги до темени головы не было у неё здорового места (ср. Ис. 1:6). Однако впоследствии она, как видно, вела иноческое житие в том же месте, где пребывала святая Божия, так что, думаю, тот огонь истребляющий, то есть проказа, послужил ей как бы мукой во очищение от грехов, дабы она смогла преставиться от сего мира к Отцу с освященным духом и телом, когда все былые грехи истребились покаянием и мукой телесною.

ГЛАВА XXIX. О ТОМ, ЧТО БЛАГОДАРЯ СВЯТОМУ ДУХУ ОНА ИМЕЛА ЗНАНИЕ ПОМЫСЛОВ

[87] И о том, полагаю, недостойно умолчать, что Господь рабе Своей ещё в земной жизни уделил такую благодать, что Духом Святым, жившим в ней (ср. 2 Тим. 1:14), она могла видеть помыслы и знать сердечные склонности. Причём дар этот

проявлялся с такой силою, что если у сподвижниц её, пребывавших с нею, а также и у множества посторонних (которые доселе живы и могут засвидетельствовать истинность этого), бывало на сердце что-нибудь ведомое, как они считали, только Богу и больше никому, и что они хотели бы скрыть от Иветты, то стоило им зайти к ней, как она основательно и подробно излагала каждому всё, что они думали, как будто все глубины их совести были обнажены и отверсты перед взором её. Поэтому, без сомнения, часто случалось так, что те, кто знал за собою нехорошие тайны, всячески избегали попадаться ей на глаза, боясь порицания за те сердечные помыслы, которые хотели уберечь от любых свидетелей, оставив лишь при себе.

ГЛАВА XXX. О НЕКОЕМ БРАТЕ ИЗ ОРДЕНА ПРЕМОНСТРАНТОВ

[88] Некий юный брат из Ордена премонстрантов, которого в детстве вверили лично сей святой в духовные чада, вышедши [из своего монастыря] без разрешения своего аббата, проходил близ келлии Иветты. Поскольку совесть его была беспокойна и сердце колебалось между различными решениями, он воспринял это как волю Божию и, не посмея миновать [жилища святой], завернул, однако, [не к ней, а] в келлию её сподвижницы-затворницы, будто бы желая переговорить для передышки в пути и пойти дальше. Когда они сидели у окна в нижней части дома и разговаривали друг с другом, а святая сия в верхней части дома предавалась молитвам, внимая едино Господу, внезапно узнала духом и то, что внизу ведёт беседу тот самый юноша, и то, что с ним случилось.

[89] И вот, хотя её никто не звал, она вопреки обыкновению спустилась и в волнении духа (Вульг. Пс. 47:8) подошла к иноку и подробно расспросила обо всём: кто таков, откуда пришёл, чего хочет, куда направляется, получил ли разрешение аббата покинуть [монастырь], как будто сама не знала этого, хотя ей была ведома каждая мелочь. Премонстрант, испуганный тем, что явно уловлен делами рук своих (ср. Пс. 9:17), уныл и опечалился (1 Мак. 4:27), не находя, что ответить святой Божией, поскольку видел, что она прозревает тайны сердца (ср. Пс. 43:22) его. И, уставив взор долу, он в стыде и смущении, изумлённо оцепенев, смолк, думая, наверняка, что лучше было бы не приходиться, чем на виду сносить унижительные выговоры.

Уразумев это, Иветта, как смышлёная домохозяйка, смешала вино сурового укорения с елеем благостного утешения и стала сладкоречиво побуждать юношу любить добродетели и презирать пороки, а также различными примерами из Писаний (которые она узнала Духом Святым) воодушевлять к противостоянию искушениям диавольским. И присовокупила: «Если же случится так, о возлюбленный сын мой, что жала и порывы искушений восстанут на тебя так напористо, что тебе покажется, будто противиться им тебе не по силам, восстань, сыне, да не уснёшь сном смертным (ср. Пс. 43:24 и 12:4); запасись терпением, облекись в силу (ср. Ис. 52:1), повели искусителю-диаволу от имени Господа и смиренной рабы Его, чтобы, отпустив тебя с миром, обратил оружие своё на меня. Ибо я сама буду сражаться за тебя, сын мой, и если суждена мне победа над врагом, тебе достанется слава, тебе – награда, воздаяние и венец (ср. Вульг. 1 Пар. 29:12); только мужайся, сын, и да укрепляется сердце твоё в Господе (ср. Пс. 26:14)!»

Сими и подобными речами наставив юношу, Иветта отпустила его, от всего сердца моля Господа дать ему сил и выдержки в добрых делах и всегда направлять его путь

пред ликом Своим. О, как прекрасны шаги твои в обуви твоей, дочь княжья! (Вульг. Песн. 7:2) О, как уязвлена ты любовью! (Песн. 2:5. – пер. П. Юнгера) Настолько жаждешь ты спасения тех, что, кажется, будто о собственном спасении забываешь; помогая другим, ты добровольно возлагаешь на себя чужие бремена; ты проявляешь привязанность, хотя и не вправе дать предписания. Ибо не будет увенчан тот, кто не боролся по правилам, ведь закон состязания требует, чтобы тот, кто желает венца, сам за себя бился, а не один за другого, и увенчается тот, кто победит, а не тот, кто не хочет биться. Ибо тот, кто не хочет биться, не сможет победить и увенчаться как победитель, потому что там, где нет борьбы, нет и победы, а там, где не видно победы, не видать, конечно же, и венца.

ГЛАВА XXXI. О ПОДОБНОМ СЛУЧАЕ С КАКИМ-ТО ДРУГИМ СТУДЕНТОМ

[90] Опять же, как-то в другой раз завернул в обитель некий человек с отягчённой совестью, которому занудило малость потолковать с вышеупомянутой [сподвижницей Иветты]. И когда они, подобно тому, как было сказано выше, беседовали друг с другом в нижней келлии, вдруг святая Божия, молившаяся в верхней, узнала духом и кто ведёт беседу внизу, и что с ним случилось. И, позвав свою сподвижницу по имени, она спросила: «С кем ты разговариваешь?», после чего настоятельно повелела задержать его, пока она сама не придёт, ведь ей нужно укрепить его в Господе, так как напор искушений уже почти одолел его. Но оказалось, что он уже удалился, опасаясь, что святейшая жена своим суждением и самим присутствием устыдит его, так как не сомневался в том, что она знает все сокровенные тайны совести его Духом Святым; а так оно и было. Ибо после его ухода Иветта рассказала своей сподвижнице [всё, что знала] о нём и довольно горячо настаивала на ревностной молитве о нём Господу, ибо весьма желала сему юноше спасения.

ГЛАВА XXXII. О НЕКОЕМ ПРЕСВИТЕРЕ, ЧЕЙ ГРЕХ СТАЛ ИЗВЕСТЕН ЕЙ ЧРЕЗ ДУХА СВЯТОГО

[91] Был также в городе Юи некий священник, которого считали довольно приличным человеком, и ночевал он в определенном помещении кафедрального собора. И жила в том же городе некая дама весьма достойного нрава, которая вдобавок к прочим своим добродетелям питала такую любовь к Пресвятой Богородице Марии, что как в течение дня, так и посреди ночи с величайшим благоговением сто раз коленопреклоненно приветствовала Её Ангельским приветствием, сиречь «Радуйся, Мария, благодати полная, и т. д.», и ничто, кроме разве что болезни телесной, не могло удержать её от еженощных хождений к полунощнице.

Ну а вышеназванный священник видел, что она весьма часто остаётся в церкви одна, и от частого общения с нею в нём родилась похоть к ней (ср. Дан. 13:8), а душа, зачав от взаимных встреч и уединённых приветствий, готова была родить беззаконие (ср. Пс. 7:15), доколе в самом деле не родила зачатое во зле, явив пример гнусного преступления.

И вот, когда от взаимного любования и чересчур вольных бесед набожный пыл и благоговейное рвение женщины поостыли, ощущение полной безопасности вело к расслабленности и пренебрежению прежними добродетелями, что несло очевидную

угрозу спасению, пока не произошло, как из тука, беззаконие их и не впали они оба в страсть сердечную (ср. Вульг. Пс. 72:7). И когда в самый жар дня привратница уснула (вероятнее всего, образно: «совесть на пике страсти». – прим. пер.), они, одинаково уязвленные в чресла (ср. Вульг. 2 Цар. 4:5-6), назначили друг другу время и много раз встречались в священном церковном помещении – том самом, что было отведено пресвитеру под ночлег. А поскольку грех, не омытый немедленно покаянием, тянет своей тяжестью к другому, они под тяжестью греха преданы были превратному уму (ср. Рим. 1:28), что первый грех пришлось оплатить последующим, и они сами осквернили свои тела (ср. Рим. 1:24) в столь священном месте, так что стал последний проступок хуже первого (Вульг. Мф. 27:64), а грех, вошедший в обыкновение и ставший чуть ли не порочной привычкой, стал гнить в сосудах греха, как [труп], воссмердевший за четыре дня во гробе (ср. Ин. 11:39)

[92] Короче говоря, пришёл несчастной женщине предел, которого ей было не перейти (ср. Иов 14:5) сиречь предел жизни, и слегла она в горячке. А пресвитер проклятый, боясь, что она расскажет о нём в своей исповеди, если вдруг исповедуется кому-либо, или что вдруг из страха перед неминуемой смертью она помимо воли вынуждена будет исправиться, приказал болящей через какую-то старуху (которую как раз сделал посредницей своих слов и тайн), чтобы она не исповедовалась в этом, потому что внушил себе, что болезнь её была не к смерти (ср. Ин. 11:4). А она поверила пустым словам более, чем следовало, и обманулась, а в итоге, на горе себе положившись на ложные надежды (ср. 2 Мак. 7:34), отправилась путём всякой плоти.

[93] И вот следующей ночью блаженная жена в восхищении духа узрела, как Пресвятая Богородица, пав в ноги Сыну Своему единородному, просит кары нечестивому тому пресвитеру за то, что так гнусно соблазнил рабу Её и стал причиной вечной гибели той, что всю жизнь столь сильно любила Её и служила Ей молитвословием своим.

Наутро же, распорядившись привести к себе священника, она рассказала ему по порядку всё, что узнала о нём из видения. Поначалу он перепугался и сильно удивился, кто мог его выдать, раз никому, кроме упомянутой старухи, не было ведомо о его грехе, однако начал на всевозможные лады оправдываться, а потом, заявив, что не всякому духу следует верить (1 Ин. 4:1), засыпал святую Божию словами и привёл правдоподобные доводы в оправдание греха.

А блаженная, повторив описание видения, молвила: «Ручаюсь тебе спасением грешной Иветты (ибо так она всегда называла себя), ложась вечером спать, я об этом ещё ничего не знала и донныне ни от кого из смертных не слыхала о том ни единого упоминания. Знай же, однако, наперёд (ср. Вульг. Быт. 15:13), что если ты немедленно не покаешься в содеянном и не постарайся умиловить Пресвятую Деву, Которую, как ты знаешь, ты страшно оскорбил, то в ближайшем будущем почувствуешь, как найдёт на тебя гнев Господень и отмщение.

Пресвитер, услышав таковые речи, наконец со слезами признался, что поступил беззаконно против Господа (ср. Вульг. 2 Цар. 24:17 и Втор. 31:27), и, уверовав, что суд Господень над ним свершится чуть ли не прямо немедленно, закричал, как рожающая, от мучительной скорби и страха (ср. Ис. 21:3) и стал на виду у Иветты

царапать себе ногтями щёки, вырывать волосы, биться головой о стену, вопия, что он один [такой на свете] негодяй и достоин он тысячи смертей.

[94] Тогда блаженная женщина, чтобы несчастный не впал в отчаяние, начала утешать его, говоря, что есть ещё миг на покаяние ему (ср. Вульг. Прем. 12:19) и время помиловать его (Пс. 101:14), что Бог возвышается над злобой людскою и не желает смерти грешника (ср. Иез. 33:11). Нет только надежды для той несчастной, что умерла столь несчастным образом [без покаяния], ибо упадет ли дерево на юг или на север, там оно и останется, куда упадет (ср. Еккл. 11:3).

А он вроде бы временно восскорбел в сердце своём (Быт. 6:6) и пообещал, во всём следуя воле и советам жены святой, что изменит свою жизнь к лучшему, а сверх того вскоре вступит в цистерцианский орден, чтобы все дни своей последующей жизни посвятить покаянию и попытаться искупить былое грядущими добрыми делами. Но едва он отступил от лица рабы Божией, забыл все обещания, бросил слова святой за себя и с прелюбодеями стал заодно (ср. Пс. 49:17, 18). Однако ненадолго.

Ибо прошло всего ничего, как он, несчастным образом запутавшись в узах греха своего (ср. Прит. 5:22), испустил последний вздох и в отчаянии немедля последовал за той, которую незадолго до того послал вперёд себя в пекло.

ГЛАВА XXXIII. КАК ВО ВРЕМЯ МОЛИТВЫ ОНА УСЛЫШАЛА ГЛАС С НЕБЕС: «ПРОЩЕНЫ ТЕБЕ ГРЕХИ»

[95] Когда она пребывала ещё в той затворнической келлии, которую, как было сказано, попросила для себя построить своего отца, но ещё не ушла в полный затвор, и совершала упомянутые утренние богослужения, то однажды, как часто бывало, она стояла, «воскликая Богу гласом радости» (ср. Пс. 46:2). А старушка (которую она устроила к себе, чтобы помогала с детьми и по дому), увидев это, крикнула ей с постели своей, словно бы жалея ее: «Барынька, отчего ты не идешь спать?» Этот оклик как бы вырвал Иветту из объятий пребывавшего с нею Друга и помешал беседе с Ним, поэтому она в духовном негодовании босиком, как была, вышла и, став в одиночестве возле дома, вернулась к божественной молитве. Друг тоже вернулся к ней, доставив прежнюю и даже большую радость.

И войдя в иступление ума, увидела она со всей ясностью на небосводе как бы огромный сияющий круг, а вокруг него явились люди как бы по пояс. Когда же её охватила радость от видения сего, услышала она из вышеописанного круга величественный голос, сказавший ей: «Прощены тебе грехи твои, если впредь соблюдёшь себя». При звуке этого голоса она, придя в себя, упала, а затем, охваченная горячкой, вернулась домой.

Этот и подобные случаи я описываю с её собственных слов, порождённых, как мне кажется, несравненной любовью; а потому предпочту, чтобы меня попрекнули за неотделанный слог, чем за бесполезное молчание.

ГЛАВА XXXIV. КАК БЛ. ИОАНН ЕВАНГЕЛИСТ ПРИЧАСТИЛ ЕЁ, КОГДА СВЯЩЕННИК ОТКАЗАЛ ЕЙ В ЭТОМ

[96] Однажды, когда благоговение породило в ней желание причаститься, она встретила со священником и смиренно попросила его уделить ей Св. Таин, а он, уж

не знаю, какие, выдвинув отговорки, отказал в благах благонамеренно просящей у него (ср. Мф. 7:11). Не обретя желанного, жена сия, считая себя недостойною, всей душою погрузилась в скорбь и плач, которые так изнурили её, что она забылась в укромном уголке долгим сном, до странности сладостным. В сонном видении ей явился блаженный евангелист Иоанн и сказал: «Хочешь причаститься?», а когда она с горячностью ответила: «Хочу», святой молвил: «Следуй за мною!» Он как бы двинулся вперёд, а она последовала за ним в церковь, которую от дома отделяла лишь одна стена, в которой, по-прежнему во сне, сия женщина увидела, как бл. Иоанн готовится служить мессу. Во время мессы женщине было дозволено не только присутствовать, но и наблюдать вблизи весь чин мессы, дабы она смогла постичь те тайны оного священнодействия, что дотоле были ей неведомы. Она увидела, как разламывают [гостию] (чего раньше не знала), а одной из частиц литургисающий [апостол] в том же видении причастил её.

Сняв с себя после литургии священные облачения, святой Иоанн снова обратился к ней: «Хочешь, объясню, почему твой знакомый священник, несмотря на просьбы, отказался тебя причастить? Он не смел прикоснуться к Святому телу Христову, потому что незадолго до того своё тело погубил и душу погубил свою (ср. Мф. 10:28), став одним телом с блудницей (ср. 1 Кор. 6:16)».

Придя после столь дивного видения в обычное состояние, жена сия встретила священником своим и с подобающей обходительностью вызнала у него наедине, что как она слышала, так взаправду и было. Мне она это рассказала на исповеди, настоятельно попросив, чтобы я никому не сообщал, пока она живёт в теле.

ГЛАВА XXXV. КАК ОНА СВОИМИ МОЛИТВАМИ ИЗБАВИЛА ОДНОГО МОНАХА ОТ ОПАСНОГО ИСКУШЕНИЯ

[97] Хотя истинно глаголет Писание: «Никто не знает, что в человеке, кроме духа, живущего в нём» (ср. 1 Кор. 2:11), сиречь: «Никто не знает сам по себе или целиком», однако пишут, что большинство святых узнавали духом и отдалённые события, и чужие помыслы, как Елисей, бл. Бенедикт, а также пророки и пророчицы задолго предвидели будущее. Хотя мы не настолько самонадеянны, чтобы сравнивать ту, о ком здесь идет речь, с величайшими, однако же, слыша от справедливейшего из распределителей: «Хочу дать этому последнему то же, что и тебе» (Мф. 20:14), с лёгкостью можем поверить, что и сей благочестивой душе Господь открывал тайны Свои ради назидания некоторых и исправления их.

Некий монах, недавно вступивший в орден и летами юный, в первый год после принесения обетов посетил с разрешения своего аббата родину и родителей, но наряду с ними – иных особ обоого пола и иные места (*alios, alias, et alia*), которые обычно не очень полезно видать тем, кто выходит за стены монастыря, ибо тот, кто «подстерегает в потаённом месте, как лев в логовище», (Пс. 9:30) подстроил ему уединённую беседу с некоей юницей, благодаря чему завязалось близкое знакомство. Перед расставанием она преподнесла ему прелестно вышитый кусок ткани, попросив монаха в память о ней и ради поддержания дружбы сделать из него себе наволочку (*cooperturam... capitali*). Он взял подарок с собою, и хоть её уже не было рядом, при нём оставалось воспоминание, раненый коим в сердце, он по своей неопытности в брани долгое время боролся с помыслами и вспышками похоти.

Поскольку он был ещё новичком в подвиге и юн летами, то до поры до времени не обращал внимания или не понимал, как опасны искушения и потеря самообладания, ведь он находился очень далеко от той особы, и воля его отнюдь не была расположена ко греху, а потому он не спешил рассказывать это или исповедовать.

[98] Случилось же через год с лишним так, что госпожа Иветта, коей тот юноша был знаком, близок и дорог как ближайший родич по плоти, при ближайшей возможности поговорить с ним, дружелюбно сказала ему наедине: «Не помнишь ли, драгоценный, как однажды тебя целый месяц мучили непотребные помыслы о такой-то особе (блаженная назвала её по имени)? Да будет тебе ведомо, что ты так быстро освободился от них скорее благодаря чужим молитвам, нежели своими силами. Поэтому, если тебе заблагорассудится послушать моего совета, немедленно сними с подушки наволочку, которую она тебе преподнесла и которую ты укрываешь под другою». Выслушав святую с изумлением, юноша стал паче прежнего ценить общение с нею и внимательнее относиться к её советам, питая к ней великое почтение и с похвалой отзываясь о ней другим.

ГЛАВА XXXVI. КАК ЕЙ ВО ВРЕМЯ МЕССЫ ДОСТАВЛЯЛО БОЛЬШЕ УТЕХИ ПРИПОМИНАНИЕ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХ, ЧЕМ ПРОИЗНЕСЕНИЕ МОЛИТВ ВСЛУХ

[99] Когда некий монах цистерцианского ордена, весьма близкий знакомец Иветты, спросил её, какую молитву она произносит на мессе во время священнической молитвы о дарах (*in Missae secretis*), та чуть ли не с удивлением ответила: «Ты думаешь я что-нибудь произношу? В присутствии возлюбленного моего Христа я так поглощена ликованием и веселием, что мне недосуг и не хочется ничего произносить устами».

Что же сказать на это (Рим. 8:31) тем, что в присутствии самого Христа (хотя истина и сила страстей Его и не являются непосредственно в облике Христовом, но скрыты под видом хлеба и вина для укрепления веры, а Он, пострадавший спасения ради нашего, приносится в вере присутствующих Богу Отцу, дивно и неизреченно становясь на алтаре, как на кресте, Иереем и Жертвою) скучают, заполняют время всякими глупостями; хуже того: теряют невозвратимые плоды этого времени? Ну а тот, чьему духовному вкусу сладки плоды и блага мессы, тот стремится не пропустить ни одной. На ней человеку дано творить то, что не позволено ангелу: там готовится несравненное лекарство для исцеления брэнности человеческой. В вере и благоговении все присутствующие священнодействуют и вместе причащаются божественных Таин чрез священнодействующего иерея.

[100] Сия счастливица, о которой мы ведём рассказ, по праву могла сказать: «Хорошо мне здесь быть!» (ср. Мф. 17:4),- ибо Христос Господь изволил дважды собственноручно приобщить её Себе чрез Таинство Тела Своего во время священнической молитвы (*in Missae secreta*). Кто слышал о чём-либо подобном с тех пор, как Христос, непосредственно присутствуя на Вечере, дал присутствующим Тело Своё? Благочестивым душам очень легко поверить это [чудо] и ему подобные, ибо Ему свойственно являть обильную благодать на малых и смиренных для научения и посрамления гордых.

[101] И такую милость снискала возлюбленная у Возлюбленного своего, что всякий раз, когда она обращалась душой к сокровенной молитве [священника над дарами],

тут же восхищаема была к Нему, а он встречал её объятиями и поцелуями. И порою дух её воспарял ко столь яркому блистанию божественной радости и славы, что телесная немощь, сломленная величию сияния, поневоле восклицала: «Отступи, о возлюбленный мой, отойди, уступая и снисходя к желающей, но не имеющей сил всегда быть в таком состоянии!» Вот, по словам св. Григорий, как мучительно и неприятно зрелище того, что слабость человеческого духа не может вынести безмятежности и блаженства!

Там [на мессе] и зародилась в ней столь свойственное ей горячее желание всеобщего спасения, сила коего была так велика, что каждое её слово имело силу выразить радость и сострадание, утешать, поправлять и назидать тех, кто видел и слышал её, а любовью она добивалась ещё большего. Кто в силах перечислить, скольких людей она отвратила от страшных зол, скольких обратила к добру, побудила к лучшему, направила послушниками в разные монастыри, а кто оставлял [монашескую жизнь], возвращала обратно? Там обрела она познание тайн.

ГЛАВА XXXVII. КАК ОНА ВОЗВЕСТИЛА НЕКОМУ КЛИРИКУ, ЧТО ЕГО СВЯЩЕННИК ОТСЛУЖИЛ ЛИТУРГИЮ НЕБРЕЖНО

[102] После того, как в присутствии некоего кюре, ей было откровение, она сказала: «Твой викарий в твоей деревне литургисал себе и тебе на погибель» Кюре, хоть и был ещё молодым студентом, принял сии слова как бы пророчество от Бога, однако поспешил проверить услышанное. И, придя в свою церковь, он обнаружил на алтаре осколки освящённой гостии, которые при свершении таинства выпали во время преломления по небрежности иерея, свершавшего освящение.

ГЛАВА XXXVIII. КАК ОНА С ГРОМКИМ СТОНОМ ПРЕДСКАЗАЛА, ЧТО НЕКАЯ НАБОЖНАЯ ЖЕНЩИНА ПАДЁТ С ВЫСОТЫ ЦЕЛОМУДРИЯ В ПУЧИНУ БЛУДА

[103] Как-то раз, когда у госпожи Иветты остановились родственники и почтенные женщины, посреди беседы с ними она вдруг испустила глубокий вздох со стоном. Когда другие спросили о причине её огорчения, она ответила одной из них, что была поумнее: «Сегодня, увы! упала столп величайший!» Выслушав и усомнившись, [эта рассудительная женщина] встретила с упомянутой особой, которая, удивилась, что её как будто поймали на месте, сама призналась собеседнице, что с высоты целомудрия пала в пучину блуда.

ГЛАВА XXXIX. КАК ОНА ПРЕДСКАЗАЛА, ЧТО НЕКАЯ ЖЕНЩИНА ЗАБОЛЕЕТ ТАКОЙ БОЛЕЗНЬЮ, ЧТО ЕЙ ПРИДЁТСЯ УДАЛИТЬСЯ ИЗ ОБЩИНЫ

[104] Также незадолго до смерти госпожа Иветта предсказала одной почтенной и набожной женщине, что она заболеет недугом, по причине которого ей придётся удалиться из общины и от народа. И вот, посетив умирающую, упомянутая женщина спросила госпожу Иветту: «Сударыня милая, а что будет с тем предсказанием, что вы так часто мне повторяли?» «Это случится, – ответила святая Божия, – через год». И в точности в соответствии с услышанным женщина заболела тяжёлым и необыкновенным недугом, понятным только самой болящей и не поддающимся человеческому лечению. Слыша многообразные ужасные вопли мучимых многообразными ужасными болями, сочтёшь ли безумной ту, что в здравом уме может похвалиться вместе с апостолом: «Ибо, когда я немощен, тогда крепок и

силён» (ср. 2. Кор. 12: 10), и ещё: «Если даже внешний наш человек и мучается, но обновлённый внутренний укрепляется» (ср. 2. Кор. 4: 16).

ГЛАВА XL. О ДЕВУШКЕ, КОТОРОЙ ПРИ ПРИЯТИИ ТАИНСТВА БОЛЬШЕ ХОТЕЛОСЬ ПОНРАВИТЬСЯ НЕКОЕМУ СТУДЕНТУ, НЕЖЕЛИ УГОДИТЬ ХРИСТУ ГОСПОДУ

[105] Случилось однажды в торжество Рождества Господня, что девушка, ближе других общавшаяся с госпожой Иветтой, возвратилась из церкви после богослужения и застала упомянутую госпожу, которую оставила дома весёлой и благополучной, лежащей в постели больной. На вопрос, что с нею случилось, Иветта молвила: «Причина сей внезапной болезни моей – печальное видение, которое Господь явил мне сегодня». Девушка упрашивала и спрашивала её, пока не услышала: «Видела я, что среди многих, приступавших ныне, как обычно бывает, в честь праздника, ко святому причастию, была такая особа, которую к алтарю со всяческой предупредительностью сопровождали радостные бесы. Ибо они приподнимали края одежды её справа и слева, точно у торжественно вышагивающей новобрачной; одни сзади собирали [шлейф], другие спереди поддерживали [подол]. Несчастливая подошла так к причастию, и хотя священник вложил ей в рот гостию, Христос у меня на глазах в телесном облике вознёсся на небеса».

Известие об этом видении дошло до некоторых благодаря девушке, услышавшей о нём, и не скрывала она, в чём была его настоящая причина. Ибо мудро усовестившись, она вовремя исповедалась и своим тихим поведением давала понять, что сознаёт свою вину, что побуждало ближних к исправлению и назиданию. А дело было в том, что хотя приступая к спасительному таинству, она должна была бы утрашиться присутствия Судии и воспламениться пылом благоговения к Искупителю, куда более она радовалась при виде некоего студента, что, находясь в пресвитерии, пел вместе с другими, и охватило её желание больше (увы!) ему понравиться, чем угодить Христу, Коему ей следовало представить себя честной [девою] (ср. 2 Кор. 11:2).

[106] И в самом деле, всякий приступающий к оному спасительному яству, должен помыслить, каково то, что он собирается принять, чем является и что приносит.

Каково [сие таинство]? [На этот вопрос человек должен ответить себе,] потому что, если он достоин, то принимает и истину, и силу Таинства. Ибо сказано: «Ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6:57). Если же недостоин, то вкушает, конечно, истину Тела и Крови Христых, но не силу, а даже в осуждение себе (ср. 1 Кор. 11:29).

Чем является? Независимо от того, во благо или во зло, каждый вкушает Христа телесно и целиком под видом пресуществлённого вещества (rei).

Что приносит? Жизнь или смерть – в зависимости от веры и достоинства того, кто вкушает. В видении упомянутая особа приняла одну лишь гостию, а Тело Христово, как бы возгнушавшись нечистым жилищем, вознеслось на небо, что, вероятно, было наглядным отображением «достоинства» вкушающей.

ГЛАВА XLI. ПОЛЕЗНОЕ УВЕЩАНИЕ ТЕМ, КТО УМАЛЯЕТ ДОСТОИНСТВА СОВРЕМЕННЫХ СВЯТЫХ

[107] Можешь представить, о читатель мой, какой славою облечена жена сия ныне, когда царствует в небесах с Богом, коль ещё пребывая на земле так ценима была Богом, что Он весьма часто допускал её в сокровенный внутренний совет небес, отчего ради исправления многих она стала своего рода посредницей между небом и землей, видимым и невидимым, между Богом и людьми. И вполне заслуженно! Послушай, что говорит безобманная истина: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам!» (Мф. 11:25). Каким, спрашивается, младенцам? Таким, если не ошибаюсь, что малы духом, то есть смиренны, каковых есть Царство Небесное (ср. Мф. 19:14). И хотя нет нужды восхвалять её смирение, которое было известно всем, кому довелось видеть её, добрым и злым (ср. Мф. 22:10); всё же Бога призываю во свидетели (2 Кор. 1:23), что в её походке, в движениях, в речах и в каждом жесте её – во всём, что я мог приметить и увидеть, проявлялась небывалое смирение сердца, кротость, стыдливость, уступчивость, скромность, мудрость, целомудрие, простота, а наипаче – искреннее сострадание к грешникам и болящим.

[108] Ну а поскольку слишком долго было бы пересказывать по порядку деяния, что Божия благодать свершила чрез неё, ибо их было весьма много (1 Мак. 9:22) и они намного превышают скудость моего дарованьяца, я теперь, подобно усталому моряку, взыскующему долгожданного берега, направлю штурвал своего повествования к блаженной кончине святой жены, ибо, если бы я даже попытался изложить всё, что мне сообщили о ней правдоречивые и заслуживающие доверия рассказчики, всё равно не хватило бы, думаю, ни времени, ни сил. И потому, чтобы не нагнать на читателя скуки пространными рассуждениями, я, в заботе о краткости пропустив многое из того, что вполне могло бы послужить ко хвале рабы Христовой, в завершение книги опишу, как чудесно и славно было блаженное её преставление от плоти, причём постараюсь быть как можно более краток, ведь, как говорит один мудрец, тем, кому малого недостаточно, тем и многое не поможет (ср. Сульпиций Север, Диалоги, I, 18. – пер. А. И. Донченко) поверить в достоинства современных святых.

[109] Ведь я знаю, причём знаю наверняка (ср. Вульг. Деян. 12:11), что у многих чувства приучены в сомнительных случаях охотнее выдавать зло за добро (ср. Евр. 5:14), чем они причиняют ущерб своему спасению как раз там, откуда могли бы получить пример добродетели, если бы не оскорбляли Духа благодати (ср. Евр. 10:29), откровенно злословя сосуды благодати, в которых со всей очевидностью сам Дух действует, как хочет (ср. Вульг. 1 Кор. 12:11).

Впрочем, это и неудивительно. Ибо люди душевные, не имеющие духа (ср. Иуд. 1:19, 1 Кор. 2:14), теперь гораздо чаще, чем когда-то прежде, встречаются в Церкви Божией; ибо они, не пожелав или не сумев поверить, что в других есть нечто, чего они не чувствуют в себе (ср. Вульг. Рим. 8:5) (возможно, потому, что им не дано было свыше (ср. Ин. 19:11) от Того, от Кого всякий дар совершенный (ср. Иак. 1:17)), сходу судят, что услышанное ими о святых невозможно, либо отмахиваются, как от вздора, надумав, что не следует доверять ничему, что не поддерживается ссылками на Свв. Отцов; и думают, что таинственные откровения суть вообще сны или выдумки, которые старухи, скудоумные бабёнки да всякие никчемные людишки объявляют

видениями Божиими, тогда как у них попросту мутится в голове от бессонницы и они видят призраки воображения.

Итак, несчастный душевный человек не принимает того, что от Духа Божия (1 Кор. 2:14). Почему же? Послушай Послание апостола к Коринфянам, где сказано: «...Потому что он почитает это безумием, и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно (там же). «Безумие», заметим, по рассуждению человека, который считает возможным только то, что знает, как происходит. А «не может разуместь» (духовных [истин], о которых он слышит) потому что «о сем надобно судить духовно», то есть суждение и проверка этих духовных [истин] делается только духовно, то есть духовным [человеком]. Или иначе: душевный не разумеет духовных [истин], потому что это о нём самом надобно судить с их помощью, то есть тем, что он отвергает услышанное, доказываемая, что он душевный, и представлять ему духовные [истины] нужно только затем, чтобы судить благодаря им, то есть проверять извне, каков он внутри: духовный или душевный? На этом и остановимся, ибо разумному достаточно того немногого, что сказано выше.

А мы возвращаемся к нашему повествованию, чтобы не показаться, что мы даем волю душевному [человеку]. Однако же, как молвит Иероним, здесь никто не затрагивается в частности, поскольку это общее рассуждение о пороках, а тому, кто хочет гневаться на вышесказанное, нужно прежде признаться, что он таков (ср. св. Иероним, Письмо 49, к Непоциану // Творения блаженного Иеронима Стридонского, Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1884, Т. 2, Письма).

ГЛАВА XLII. О ТОМ, ЧТО ОНА ЗАДОЛГО ПРЕДВИДЕЛА КОНЧИНУ СВОЕЮ

[110] Итак, после того, как жена добродетельная (Сир. 26:2) тридцать шесть лет отслужила Царю Ангелов в келлии своей, причём дух её, не поддаваясь старости, день ото дня в приумножение заслуг всё крепнул, а пыл благочестия неутомимо бодрил её полуоцепеневшее тело суровыми подвигами, решил, наконец, пребывающий вечно тем же (ср. Пс. 101:28) Господь вознаградить Свою избранницу сообразно тому, чего уже заслужила она любовью своей, и за добрый подвиг, которым она подвизалась, а также счастливое окончание бега, дать ей венец праведности (ср. 2 Тим. 4:7-8. – пер. еп. Кассиана); и открыл ей Духом день разрешения её за целый год с лишним. Она же распорядилась передать о том весточку некоторым из своих близких, по крайней мере тем, кто был набожен, умильнейше заклиная их как можно настойчивее просить Господа, дабы, коль есть в ней какие недостатки и несовершенства, простил Он их ей по великой милости Своей, а также по молитвам и заступничеству верных.

[111] Тем временем приближался ежегодный праздник св. Марии Магдалины, к которой она с малых лет всегда была привязана и паче прочих святых почитала с особым благоговением и любовью, вознося ей хвалы и молитвословия. Случилось же так, что в самый день упомянутого праздника, когда в церкви свершались мессы, она одна молилась в верхней келейке и со страхом ввиду грехов своих упрашивала св. Марию Магдалину о заступничестве. Ибо хотя она искренне поверила, что грехи юности её (ср. Пс. 24:7) и ошибки прежней жизни, оплаканные ею долгим покаянием, давно отпущены ей (о чём она услышала из уст самого Господа, как описывалось выше), но поскольку написано: «Блажен человек, всегда пребывающий в страхе»

(Вульг. Прит. 28:14), вновь зародился в ней некий дух боязни (ср. 2 Тим. 1:7), ибо она знала, что в недалеком будущем ей неизбежно предстоят муки смертные, и не забывала о строгом суде Божиим, на котором, как напоминает Священное Писание, и праведник едва спасается (1 П. 4:18), и трепещут силы ангельские (ср. 2 Езд. 4:36).

Сын человеческие, вы всё ещё не отягчились сердцем? (ср. Вульг. Пс. 4:3) Ужасна смерть для всех смертных. Безусловно следует страшиться мига смертного, потому что «нет ничего более определенного, чем смерть, и нет ничего более неопределенного, чем час смерти» (Псевдо-Ансельм, О сокрушении сердца, I). Зачем любите суету? (Пс. 4:3. – пер. П. Юнгерова) Смерть старика – во вратах, а молодого – в засаде (афоризм, предположительно, св. Амвросия, цит. по Thom. Aquin., De Erud. Princ., Lib. V, cap. XLVI). Более сорока шести лет подряд служила Господу сия женщина и боится суда; а нечестивый и грешный где, по-твоему, явится? (1 П. 4:18) Святейшему из святых Мартину при смерти явился сатана и даже не отступил от Святого всех Святых Христа, во плоти человеческой висевшего на кресте, на краю которого он наглейшим образом уселся, чтобы посмотреть (как Товия, вскрыв рыбу (Тов. 6:4-5)), нет ли какого пятна греховного во Христе, пришедшем уничтожить грехи мира, – и ты думаешь, человеке, что он не приблизится к тебе? (ср. Пс. 90:7) Он поглотит, как молвил Господь блаженному Иову, реку, и не удивится, и уверен, что и Иордан потечет в рот его (Вульг. Иов. 40:18). И если Премудрый возглашает: «О, смерть! как горько воспоминание о тебе для человека (Сир. 41:1) праведного», то кольми паче, спрашивается, для грешного и нечестивого?!

Что до меня, то, хотя многие и почитают многих блаженными, я думаю, что истинно блаженным окажется только те, что «не останутся в стыде, когда будут говорить с врагами в воротах» (ср. Пс. 126:5) («в воротах смерти» – уточню), через которые выходят чада Евы – все до единого, богатый и бедный (Вулг. Пс. 48:3). Но куда завела меня [моя] речь? (Сульпиций Север, Диалоги, II, XII, 11. – пер. А. И. Донченко)

ГЛАВА XLIII. О ТОМ, КАК ЕЙ ЯВИЛАСЬ СВ. МАРИЯ МАГДАЛИНА

[112] Итак, как я уже успел сказать, раба Христова молилась и вдруг в восхищении духа увидела, что рядом с нею св. Мария Магдалина, к которой она как раз и взывала. Иветта пала к ногам её, и обняла их, и хотела облобызать их, а святая, взяв её за руку, подняла и, как ей казалось, так, держа за правую руку, и повела. И пришли они обе к [подножию] всесвятых стоп Господа Иисуса, где провожатая оставила Иветту. Там, с невыразимым пылом духовным и радостным умилением пав к ногам Господа, она долго лобызала их и обливала слезами (ср. Лк. 7:38) и не могла насытиться радостью сей, а из золотых уст Господних донеслось до неё: «Прощены тебе грехи твои (ср. Мф. 9:2) за то, что ты возлюбила много (ср. Лк. 7:47)» Услышав слова сии, она пришла в себя и, подобно отнятому от груди младенцу, что тянется обратно, жена боголюбивая, закричала, как от насилия (ср. Авв. 1:2), издавая вздохи и стоны, сетуя, что отняли её от ног Христовых и лишили радости лицезреть Его, причём удивительно громко, так что сподвижницу её, молившуюся в нижней келейке, объяло некое изумление, и чрезвычайный ужас охватил душу её, и спрашивала она себя, что же могло случиться такого невиданного, и верила, что в доме её явилось слава, на диво великая.

И, поднявшись к Иветте на верхний этаж, женщина обнаружила, что случилось то, что она и предполагала. Когда она спросила святую, что она видела, та отказалась было рассказывать, но в итоге, потребовав от сподвижницы страшных клятв и обещаний, поведала о случившемся, хотя и обязала до конца жизни её скрывать это от разглашения.

ГЛАВА XLIV. КАК ГОСПОДЬ УСЛЫШАЛ МОЛИТВУ ИВЕТТЫ О НЕКОЕЙ ДЕВЕ

[113] Была в то же время некая [освящённая] дева, весьма набожная, пользовавшаяся среди соседей вполне доброй славой. И дала она обет, что уйдёт в затвор, если, однако, сие намерение её осуществимо. Ведь тогдашний епископ Льежский (Гуго де Пьерпон, ум. 1229 г.), после того, как в его диоцезе появилось много затворников, стал так суров и резок с теми, кто просил его о разрешении на такого рода подвиг, что никто из тех, кто познал его дух, не дерзал просить его о том без уважительной причины. Поэтому вышеназванной деве, несмотря на огромное её желание и великое стремление исполнить обет свой, не помогли никакие прошения, представляемые епископу, как бы часто она к нему ни обращалась, из-за чего она впала почти что в отчаяние и не смела больше настаивать, чтобы епископа спросили о её деле, потому что он никого не хотел слушать. Итак, видя и понимая, что там, где человеческая помощь изнемогает, нужно просить божественной, она явилась к нашей блаженной и, изложив ей причину своего прихода, смиренно просила заступиться пред Господом за неё, поскольку доподлинно знала, что её молитву Господь вряд ли оставит без внимания.

Итак, раба Господня, приняв во внимание благочестие женщины и сердечное её беспокойство о названном деле, милостиво посочувствовала ей, посоветовала возыметь веру, запастись надеждой, не оставлять любви и велела ей быть спокойной, ибо вскоре исполнит Всемогущий желание сердца её. В итоге, малость утешившись, дева ушла, питая безусловную надежду на слова её обещания, зная, что дело не может остаться нерешённым, если уж святая изволит настаивать на том, что решит его.

Однако, поскольку сердцу любящему долгим кажется любое расставание с желанным, то не прошло и нескольких дней, и вот, женщина та снова пришла к рабе Господней теперь уже за получением обещанного прежде, как бы взыскивать долг. А Иветта, всем сердцем исполнившись Духа Святого, молвила: «Ступай, дочь мая, и ни в чём не сомневайся, ибо ныне несомненно обретёшь то, чего так долго желала». Она, словно бы уже достигнув исполнения своего обета, удалилась в веселии и по прошествии краткого времени вновь поручила передать епископу свою просьбу, чтобы проверить, не усмирил ли уже епископ свой нрав и не утишил ли суровость, с каковой действовал, как описывалась несколько выше.

Короче говоря, не заставив себя долго упрашивать, он с величайшей охотностью согласился и без возражений дал разрешение, которое почти никогда никому не давал добровольно.

ГЛАВА XLV. О ПРЕСТАВЛЕНИИ ЕЁ И СОПУСТВОВАВШИХ ТОМУ СОБЫТИЯХ

[114] Итак, досточтимая жена, предузнав в духе своем, что пришло ей время разрешиться от тела (ср. Быт. 47:29), начала тревожиться и ещё более беспокоиться

о дочерях своих, которых приобрела для Христа (ср. 1 Кор. 9:19) и которых вплоть до того времени с великой благостью возвращала в учении Господнем (ср. Еф. 6:4). Она всё чаще созывала их к себе и постоянно увещевала их стремиться к улучшению. И такую нежной она к ним прониклась любовью (ср. Ин. 13:1) (предвидя, что недолго ей пребывать ещё с ними (ср. Ин. 13:33), что, казалось, даже немного отнимала времени от молитвы и псалмопения, чтобы изыскать возможность чаще говорить с ними и больше наставлять их в учении Христовом. Наказуя, увещевая и укрепляя духовных чад своих то наедине, то публично, то в каждую по отдельности, то всех вместе, она стремилась восполнить всякий недостаток в полноте их добродетелей и научить их, какую жизнь вести после её кончины, непрестанно пребывая в любви Христовой (ср. Вульг. Прит. 5:19).

[115] И вот общалась она с ними, как мать с дочерьми и как наставница с ученицами, а между тем приближалось Рождество Христово, славное и долгожданное, а в последний день празднований, то есть в восьмой день октавы святого Богоявления Господня, должно ей было преставиться от этого света. Когда же прошёл круг праздника сего, внезапно в полночь святого Явления Господня, когда она попыталась встать, дабы восславить Господа по обычаю своему, охватила её сильная горячка, напрочь лишив сил телесных. От звука же плача её пробудилась сподвижница, находившаяся с нею в доме, и прибежала; однако святая душа, не желая, чтобы из-за неё в доме поднялась суета, ради покоя спящих попросила сподвижницу дать ей чем-нибудь приукрыться, якобы слегка зазябла (ведь была зима (ср. Ин. 10:22)), и, тем упокоив, велела идти обратно

Но поскольку горячка день ото дня становилась всё хуже, по округе распространился слух, что наступает день её разрешения; все знавшие её заплакали и восскорбели (ср. Вульг. Дан. 13:33), были жалобы и печаль, и каждый сетовал об утрате её, как о родной, потому что потеря эта была общей для всех.

ГЛАВА XLVI. О ЕЁ ПОСЛЕДНЕЙ ИСПОВЕДИ

[116] Тем временем она попросила его преподобие Иоанна, аббата Флорефской общины проводить её в последний путь, и его преподобие не мог отказать ей в столь скромной услуге. Хотя в ту пору он, занимаясь многочисленными делами своей общины, отправился в весьма отдалённые края, так что даже никто ни его разыскать его не могли, ни узнать, где он находится, однако вроде бы как и случайно, он как раз вовремя оказался в её краях, причём в полном неведении о происходящем.

Услышав же, что больна та, кого он очень любил в жизни своей, и сам жаждая увидеть её, он со всех ног помчался к ней и, велев проломить стену келлии, где она лежала, вошёл и, увидев её в постели, замер на миг в изумлении оттого, что чело её было ясно и лик безмятежен, на щеках живой румянец, слова веселы, жесты спокойны, уста улыбочивы, и во всём она была такова, что нелегко было обнаружить хоть какой-нибудь признак болезни. Иветта же, увидев его, очень обрадовалась (ср. Лк. 23:8) и совершила пред ним исповедь во грехах своих, в которой открыла ему многое из того, что включено в эту книжку, хотя она предпочла бы, чтобы это было скрыто, а не поведано многим. Итак, простившись с ним (ведь им было больше не свидеться) и попросив его молиться о ней Господу, она отпустила его с миром, потому что он готовился к путешествию.

ГЛАВА XLVII. О ЕЁ СЫНЕ, АББАТЕ, КОТОРОГО ОНА ПЕРЕД СВОИМ УХОДОМ ПРОСИЛА ОСТАВИТЬ ДОЛЖНОСТЬ НАСТОЯТЕЛЯ

[117] Кроме того, она своему старшему сыну, бывшему в то время, как мы уже говорили, аббатом обители в Орваль, передала с гонцом просьбу приехать, желая перед своей кончиной побудить его сложить с себя полномочия руководителя, ибо её давно беспокоило, причём довольно изрядно, то, что её сын настоятель, однако никто не знал причины её беспокойства. Говорят, он не смог приехать вовремя, а приехал после преставления матери, и, когда захотел увидеть её, оказалось, что она похоронена. Однако, хоть и мёртвая для мира, она показала, что живёт лучшею жизнью со Христом и что, будучи мёртвой, может больше, чем при жизни, ибо едва её сыну позволили посетить могилу, как внезапно он получил приглашение от отца-аббата (Клерво, материнской обители. – прим. пер.), у которого он добровольно попросил отставки, и получил её.

ГЛАВА XLVIII. О ПОСЛЕДНЕМ ПОМАЗАНИИ РАБЫ БОЖИЕЙ ИВЕТТЫ

[118] Тем временем, когда болезнь обострилась, окружающие, опасаясь, как бы не довелось ей преставиться без елеосвящения, все как один умоляли её позволить совершить над ею помазание. «Пока, о дочери мои, нет нужды в помазании, – молвила она, – но я намерена [принять его] в четверг, в девять часов» (то есть через три дня, по моим оценкам). «Не бойтесь, – молвила, – и не беспокойтесь обо мне, ибо истинно говорю вам, что не отойду от жизни сей, пока не будут совершены для меня все церковные таинства».

Они же, напротив, настаивали на том, чтобы помазание совершилось назавтра же, потому что боялись, как бы она не умерла, ведь она ничего не принимала из того, что могло бы поддержать жизнь в теле; и видели, что она лежит с замкнутыми очами неподвижно, ибо дух свой целиком погрузила в невидимое и всем нутром невидимого алкала, как будто уже не имела ничего общего с миром.

Чадолюбивая жена, видя, что дочери её печалются и скорбят из-за того, что она медлит с помазанием, молвила: «Что ж, вижу, вы настаиваете, чтобы свершилось то, что я наметила на другой день – и не без причины. Однако, чтобы вы больше не печалились, так и быть, да свершится ваша воля, а не моя (ср. Лк. 22:42); делайте что хотите (Вульг. Быт. 43:11)». И вот, прияв Помазание и все таинства с должной честью и благоговением, молвила она: «Что ж, я сделало то, о чём вы просили, дабы дух ваш более не смущался, однако знайте, что покину сей мир я не сейчас, но в день и час, которые предсказала». Когда же близкие друзья в итоге наедине спросили её, зачем она хотела отложить эти Таинства до четверга, Иветта ответила: «Я потому желала сего, что, как ведомо мне, Пресвятая Богородица, Которой Сын Её давно меня вверил, должна была в оный день присутствовать при Помазании, а в завершение оно таинства Досточтимая Владычица Матерь Божия Мария сказала бы вместо меня «Аминь» и отвела меня в вечные обители блаженных духов». Услышав сие, они весьма огорчились и очень скорбели, что настояли на столь срочном Помазании вопреки блаженному её замыслу.

ГЛАВА XLIX. О ДНЕ ЕЁ ПРЕСТАВЛЕНИЯ

[119] Тем временем, пока все ждали дня и часа, когда Господь придёт посетить рабу Свою и вывести её из тьмы к свету (Вульг. Иов. 15:22), из изгнания на родину, с земли на небо, из страны тени смертной (ср. Ис. 9:2) в землю живых (ср. Пс. 26:13), внезапно воссиял день третий, сиречь четверг октавы Богоявления Господня, день, повторяюсь, долгожданный для неё, как день нового искупления, древнего возмещения, вечного счастья; и хотя для неё он был днём спасения (ср. Ис. 49:8), торжества и веселья (ср. Есф. 9:22), однако для собравшихся – днём бедствия и несчастья (ср. Вульг. Соф. 1:15), днём скорби и плача (ср. Вульг. Ис. 22:5). Не то чтобы они не сорадовались славе той, которую сердечно любили, но видели они, что предстоит им безвозвратно лишиться сладостного утешения столь любящей матери. А когда большинство знавших, сколь многим пошло бы на благо её присутствие во плоти, спрашивали её, не изволит ли она ещё немного побыть в теле ради исправления многих душ (будто наверняка знали, что она может задержаться, если пожелает), святая ответила, что у неё ничего не осталось от своей воли и она не может склониться ни к одной из возможностей, в которой нет воли Господней. Хотя она готова и во плоти остаться ради них, если то угодно Господу, а самой ей куда желаннее разрешиться и быть со Христом (ср. Флп. 1:23-24), однако да будет во всём не её, а Господня воля.

В девятом часу того дня или чуть позже любимая Богом душа почувствовала духом пришествие Жениха и Невесты, сиречь Христа и Марии, и, изрекши оный стих псалма «В руки Твои предаю дух мой. Ты избавил меня, Господи, Боже истины» (Пс. 30:6. – пер. П. Юнгерова), как бы приветствуя Пришедшего с веселым ликом, с простертыми руками и с воздетыми к небу очами, поспешила выйти Ему навстречу со светильником добродетелей, полным масла доброй совести (ср. Мф. 25:1-13). И тут взяла душу её, словно Моисея из плетёной корзины (ср. Исх. 2:5-6), Дщерь Царева Дева Мария и, точно залог верный, преподнесла её Сыну Цареву, дабы возвёл он её в дщери Царевы и наследницы. И стоявшие в доме вокруг неё (ср. Деян. 16:32 и Суд. 3:19), как бы в восхищении духа, исполнились некоей дивной и невыразимой сладости благодатной и такого возвышения сердечного, что из присутствующих никто не усомнился в присутствии Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

ГЛАВА L. О ДИВНОМ ОБЛИКЕ УМЕРШЕЙ И СИЯНИИ ЛИЦА ЕЁ

[120] Ибо при исхождении души лицо её стало прекрасно, так что не описать было его человеческим словом; тело её и конечности, казалось, окутанные словно бы цветами роз и лилий долинных (ср. Сир. 50:8), полностью покрылись неким румянцем, подобным красноте розы, отчасти изящно смешанным с белизной, так, что при взгляде на неё невозможно было увидеть ничего, кроме чего-то божественного; и отсвет некоей небесной красоты на мёртвом теле, и отблеск на лице как бы заранее явили знаменья её грядущего прославления.

ГЛАВА LI. О ДВИЖЕНИИ СТИХИЙ ПРИ КОНЧИНЕ ЕЁ И УДИВИТЕЛЬНО СОЗВУЧНОМ ПЕНИИ ПТИЦ

[121] Расскажу ещё кое-что. Не смогу, пожалуй, веско утверждать, что это чудо, тем не менее, об этом мило послушать и приятно вспомнить.

Хотя весь тот день до часа преставления святого стояла такая жуткая непогода, что казалось, будто небо и земля, дождь и ветер, снег, град и все духи бури (ср. Вульг. Пс.

148:8) как сговорились в тот день, ибо нелегко было даже осмелиться выглянуть за двери его дома, – как если бы все стихии выражали своё потрясение смертью рабы Господней, – внезапно, напротив окна келии, в которой кончалась подвижница Христова (*agonista Christi agonizabat*), уселось бесчисленное множество больших и малых птиц различного вида и (хочу поведать о чудесном! (Сульпиций Север, Диалоги, II. II. 1. – пер. А. И. Донченко)), как бы сорадуясь славе умиравшей, ласкали ухо слышавших их сладостной стройностью пения и созвучием различных голосов: казалось, настали летние деньки. И этот птичий концерт продолжался до тех пор, пока не замер звон колоколов, возвещавший её смерть.

ГЛАВА LII. ОБ ИСЦЕЛЕНИИ НЕКОЕЙ ЖЕНЩИНЫ

[122] Случилось в тот же час, что одна женщина почтенной жизни и доброго имени из города Юи, которая от постоянной бессонницы повредила голову и долгое время пребывала в расстройстве мыслей и чувств, услышала гул колоколов, звонивший по Иветте. Услышав же как бы в исступлении ума, как бьют в колокола по смерти оной матушки, и помышляя о том, как она преставляется на небеса, женщина та в глубоком сосредоточении и с томлением духа как бы последовала вдаль за ушедшей, сорадуясь славе той, которую в жизни своей всегда очень любила. А когда она пришла в себя, то оказалась вполне здорова, и впредь с того дня не страдала такого рода болезнями и недугами.

ГЛАВА LIII. О ВНЕЗАПНОЙ ПЕРЕМЕНЕ ПОГОДЫ, ПРОИСШЕДШЕЙ ПРИ ПРЕСТАВЛЕНИИ ЕЁ

[123] Не следует обойти молчанием и то, что, когда упомянутое птичье пение вместе с колокольным звоном перестало быть слышно, вмиг стихла буря, прекратился ветер и дождь и внезапно настала прекрасная погода: небо улыбнулось, земля и воздух, придя в себя под лучами солнца, воспряли; казалось, как будто все стихии отдавали дань уважения блаженной жене, ликуя и радуясь, как в летние дни (ср. Сир. 50:8).

ГЛАВА LIV. О ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ ДУХОМ УЗНАЛА О ПРЕСТАВЛЕНИИ ЕЁ

[124] Также и другая женщина исключительной набожности и похвальной жизни из упомянутого города, молилась в доме в тот же час; и тут, заметив, как внезапно переменилось небо и как ясно распогодилось, заподозрила, что это случилось не без причины и уразумела чрез откровение Духа, что это госпожа Иветта Затворница преставилась от века сего; поэтому-то из почтения к ней сорадуются стихии её вознесению и выражают по мере сил свои чувства, отдавая дань уважения той, которую, как они видели, сам Творец их почтил своим величественным посещением.

ГЛАВА LV. О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО ПО КОНЧИНЕ ЕЁ

[125] Святая матушка словно бы хотела оставить некоторый след в утешение тем, кто не мог утешиться, лишившись её телесного присутствия, дабы знали они, что, живя со Христом, она куда деятельнее печётся о людях и обители, чем тогда, когда ещё находились вместе с ними в темнице плоти. И вот по прошествии всего нескольких дней произошло следующее.

Пока она была жива, ей приходилось заниматься рядом дел, касающихся преимущественно переговоров относительно постройки церкви и работ, производившихся в обители, которые никак нельзя было завершить без постановления и утверждения епископа Льежского; к делу приступали многократно, но так и не довели до конца. Вскоре же после своей кончины она явилась некоей близкой подруге своей, благочестивой и богобоязненной женщине по имени Маргарита, которая весьма хорошо себя проявила, помогая по необходимости при работах в упомянутой церкви, и, не щадя усилий и времени, понесла уйму трудов для завершения того, что ещё было не достроено. Она, как я упоминал выше, с самого начала приобщилась к святой Божией и сотрудничала с нею во всех делах, которые делались добросовестно и трудолюбиво, итоги чего можно наблюдать в настоящее время. Итак, явившись ей однажды ночью во сне в весьма красивом облике и, как бы сочувствуя Маргарите, что ей осталось [столько всего] для завершения, улыбнулась ей и, сделав вид, что собирается идти, поманила её: «Маргарита, следуй за мною, ибо я еду в Льеж!» После этих слов видение исчезло.

И встав рано утром, женщина собралась в дорогу, хотя в ту ночь выпало так много снега, сколько, пожалуй, почти никогда не выпадает в наши дни. Затем взяла с собою в попутчицы некую девушку из Юмбрикура (которую, кстати, блаженная Иветта во дни её ранней юности чуть ли не из-под венца увела и отучила от любви к миру), и обе пустились в дорогу по желанию призыва [святой Иветты] и из необходимости завершения дела и с величайшими трудностями и тяготами добрались в итоге до епископа. А когда они поведали ему о причине своего путешествия, он свыше всякого человеческого ожидания проявил к ним великое сострадание и доброжелательность, а также благосклонность ко всем их пожеланиям, хотя из-за некоей хвори, которая тогда епископа донимала, попасть к нему было крайне затруднительно. И когда они совершили всё по желанию сердца своего, возвратились (ср. Лк. 2:39) с радостью домой. И не было у них иных объяснений причины этого чуда, кроме вмешательства досточтимой Иветты, которая предшествовала им и приготовила путь им (ср. Лк. 1:76); и думаю, что так на самом деле и было.

ГЛАВА LVI. О ПОГРЕБЕНИИ ТЕЛА ЕЁ

[126] Итак, досточтимая матушка Иветта, как я уже сказал, преставилась и, надеясь на приезд её сына, аббата Орвальского, отложили её погребение на три дня с лишним, чтобы он мог присутствовать на материных похоронах, о которых ему отправили весточку. Поскольку же он, как поведено выше, не смог приехать, дом Иоанн, аббат Флорефский, который сразу явился, узнав о её смерти, с должными почестями предал в церкви земле её тело, да воскреснет блаженно во славе, когда смертное сие облечется в бессмертие, и возвратится суд к правде, и смерть будет поглощена победою (ср. 1 Кор. 15:54, Пс. 93:15).

[127] И преселилась она ко Господу в год благодати тысяча двести двадцать седьмой (по старинному французскому счёту год начинался от Пасхи; согласно нынешнему календарю это был уже 1228 г. – прим. пер.), в январские иды, в четверг, в самый день октавы святого Господня Явления, явившись пред лице Божие совершенно чистою от всякого пятна как первородного, так и действительного греха, белее молока (ср. Вульг. Быт. 49:12), прозрачнее стекла (ср. Отк. 21:18), драгоценнее

очищенного в огне золота (ср. Вульг. Ис. 13:12), приготовленная и украшенная, словно невеста для мужа своего (ср. Отк. 21:2).

ГЛАВА LVII. СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ЕЁ ЖИЗНИ, КАКОВЫХ ЧИСЛО НЕ ЛИШЕНО ТАЙНЫ

[128] Она стала вдовой на восемнадцатом году жизни, прожив с мужем пять лет, и пять лет после его смерти пребывала вдовой дома. После этого десять лет служила прокажённым, дабы исполнилось число Десятословия. Затем в одиночестве внимала Богу около тридцати шести лет в келлии – итого получается шестьдесят девять лет. Итак, на семидесятом году от рождения своего, то есть в год отпущения в Иерусалим из плена в земле Вавилонской истинного иудея (вероятно, имеется в виду Неемия. – прим. пер.), она была освобождена от рабства сему тлению (ср. Рим. 8:21) к видению истинного мира (ср. Иез. 13:16) – Иисуса Христа, Господа нашего, Который есть мир наш (Еф. 2:14), примиривший и земное и небесное (ср. Кол. 1:20) и уничтоживший самим Собою вражду на древе Креста (ср. Вульг. Еф. 2:16), Коему честь и слава со Отцем и Святым Духом во веки веков, аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW